

Н. А. Прозорова

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ И ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ НИВА» (по материалам архива В. А. Рышкова)

В 1900—1917 гг. в русской периодической печати иллюстрированный еженедельник, занимавший среднее звено между «толстым» ежемесячным журналом и ежедневной газетой, был востребован читателем, удобен для издателя и отвечал беспокойному «характеру времени». На его долю приходилось около трети выпускаемых периодических изданий, причем центром издания еженедельников был Петербург.¹ «Тонкий еженедельный журнал соединял в себе черты ежедневной газеты и толстого ежемесячника, — пишет С. Я. Махонина. — Еженедельный выход позволял быстрее, чем журналу „обычного русского типа“, откликаться на события. В то же время гораздо больший, чем у газеты, объем и возможность дольше готовить и обдумывать материал давали еженедельнику то преимущество „обобщающего освещения“, которым гордились толстые издания».²

---

¹ См. об этом подробнее: *Воронкевич А. С.* 1) Русский еженедельник в начале XX века // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 140—159; 2) Иллюстрированные еженедельники в России (1808—1904 гг.). М., 1985; *Швецова Л. К.* Массовые еженедельники для «пестрого» читателя // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века: 1890—1904. М., 1982. С. 275—297.

² *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 175. «80-е гг. XIX в. были последним периодом господства „толстого“ журнала, — пишет А. И. Рейтблат, — в чтении интеллигентной аудитории. Позднее его позиции все больше и больше подрывают газета, иллюстрированный журнал и книга». См.: *Рейтблат А. И.* Читательская аудитория русского «толстого» журнала. Вторая половина XIX века // История литературы и художественное восприятие. Тверь, 1991. С. 106.

Наиболее популярными были семейные, общественно-литературные, литературно-художественные, сатирико-юмористические и научно-популярные еженедельники. Долгожителем и лидером тиражей среди семейных «тонких» журналов была «Нива» (1870—1917), среди научно-популярных журналов — «Вокруг света» (с 1885), литературно-художественных — «Север» (1888—1914).³ Привлекательной для подписчиков была и сравнительная дешевизна еженедельных изданий.

Структура «тонкого» еженедельника помимо иллюстраций включала в себя, как правило, беллетристические формы (рассказы, повести, романы «с продолжением») и компилятивные обзоры общественно-политических, научных и культурных событий истекшей недели, особо выделенных редакцией. Хотя читательская аудитория русского иллюстрированного еженедельника была чрезвычайно широка — от малограмотных крестьян до высших дворянских кругов, «тонкий» журнал ориентировался, в основном, на «среднего» читателя как в образовательном, так и в социальном плане.⁴

Одним из «тонких» журналов была «Родная нива», выходившая в Петербурге в 1904 (пробный номер)—начале 1906 гг. с подзаголовком: еженедельный иллюстрированный художественно-литературный журнал. История издания и место «Родной нивы» на широком поле русской журналистики начала XX в. к настоящему времени не привлекали внимания исследователей. Между тем читательское восприятие и история журнала должны быть адекватно описаны в контексте больших и малых явлений культуры.

Редактором «Родной нивы» был писатель и драматург Виктор Александрович Рышков (1862—1924),⁵ чей архив хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом). В личном фонде писателя (ф. 270) содержится комплекс архивных материалов, касающихся истории журнала «Родная нива».⁶ В тематическую группу выявленных документов входят списки сотрудников журна-

---

³ Однако многие еженедельники, особенно провинциальные, были недолговечны, выходили меньше года и ограничивались выпуском всего нескольких номеров. Иллюстрированные еженедельники профессиональной направленности интересовали более узкий круг читателей.

⁴ Чехов называл этого читателя «пестрым», отмечая, что «русский пестрый читатель если и необразован, то хочет и старается быть образованным; он серьезен, вдумчив и неглуп» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1978. Т. 6. С. 179).

⁵ В словарной статье Т. П. Агапкиной о Рышкове по интересующему нас вопросу отмечен лишь факт его редакторской деятельности: «в 1904—06 ред. ж. „Родная нива“ (тит. сов.)». См.: *Агапкина Т. П.* Рышков Виктор Александрович // *Русские писатели: 1800—1917. Биографический словарь.* М., 2007. Т. 5. С. 413.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 270 (архив В. А. Рышкова) находится в научно-технической обработке. Далее ссылки на архив даются в тексте статьи в скобках (РО ИРЛИ, ф. 270).

ла,⁷ письма рядовых читателей и членов авторского коллектива к Рышкову как редактору еженедельника и другие материалы, аналитический обзор которых дается в настоящей работе. В рамках данной статьи публикуются наиболее интересные письма к редактору «Родной нивы».

К 1904 г. Виктор Рышков, потомственный дворянин, сын юриста, вошел в русскую литературу как беллетрист и имел репутацию писателя, по словам П. И. Вейнберга, «хотя и не особенно выдающегося, но все-таки хорошего и вполне чистоплотного». Литературным «крестным отцом» Рышкова был А. К. Шеллер-Михайлов, при поддержке которого рассказ «Во время (Деревенские картины)» был напечатан в 1888 г. в октябрьском приложении к «Живописному обозрению». Критика относила писателя к реалистам-бытовикам, а популярность Рышкова как драматурга была еще впереди: постановка пьесы «Первая ласточка» состоялась 6 сент. 1904 г. на сцене московского Малого театра, а затем в течение многих лет открытие сезонов в петербургских и московских театрах не обходилось без его участия. Имя Рышкова прочно вошло в историю репертуара столичных и провинциальных театров 1904—1918 гг.: «бытовые» пьесы драматурга шли по всей России и имели своего, постоянного зрителя. В настоящей статье рассматривается журнальный аспект деятельности В. А. Рышкова.

Предложение о редактировании «Родной нивы» Виктор Александрович получил 26 нояб. 1904 г. от «всеобщего» знакомого петербургских писателей Александра Алексеевича Измайлова (псевд. Смоленский), известного литературного и театрального критика, писателя и пародиста. «Вечером по приглашению Измайлова был у него, — записал Рышков в дневнике, — и за выпивкой и закуской говорили о деле. Предлагает мне быть редактором или, лучше сказать, с ним соредактором нового маленького и дешевого журнала „Родная нива“» (РО ИРЛИ, ф. 270. Дневник В. А. Рышкова; здесь и далее написание названия журнала приведено к единообразию: вместо встречающегося в цитируемых источниках «Родная Нива» дается «Родная нива»). В последующие дни А. А. Измайлов пишет Рышкову: «Принципиально издатель к моему предложению о Вас отнесся с *полным сочувствием*. В понедельник мы должны втроем свидеться. От Вас зависит назначить время. Я по телефону уведомляю Касаткина, и все втроем мы переговорим. NB. Я сказал, что переговорил с Вами только отдаленнейшим обр<азом> (ибо он меня ни на что не уполномочивал) и что Вам неизвестны никакие частности дела. Во все это я посвящу Вас при нем» (РО ИРЛИ, ф. 270. Письмо датируется по смыслу 27 или 28 нояб. 1904 г.).

---

⁷ Точнее, списки сотрудников журнала с указанием денежных расчетов с ними на 1 июля 1905 г., а также списки произведений, принятых и не принятых для напечатания в «Родной ниве» на 24 февр. 1906 г.

В это время Виктор Александрович Рышков служил младшим помощником делопроизводителя Управления по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел. Чиновничья служба тяготила его, жалованья хватало лишь на то, чтобы «расписать» долги, его одолевал «целый фронт кредиторов», на содержании была семья (а после смерти отца он заботился еще и о младших сестрах и брате), литературные же заработки были ничтожны. 29 нояб. Рышков вновь записывает в дневнике: «Вечером приезжали ко мне критик Измайлов и купчина Касаткин, настойчиво упрашивал меня быть редактором нового еженедельного журнала „Родная нива“. Предлагает 100 рублей в месяц, и редактировать его совместно с Измайловым. Согласился» (РО ИРЛИ, ф. 270. Дневник В. А. Рышкова).

Издатель журнала, Александр Кузьмич Касаткин, крестьянин Костромской губернии Буйского уезда, проживал в Петербурге, был владельцем книжного склада, а ранее служил у А. С. Суворина метранпажем. В авг. 1904 г. он перекупил право на издание журнала «Речь», который с 29 янв. 1901 г. издавал и редактировал Станислав Станиславович Окрейц, и вскоре переименовал его в «Родную ниву». Журнал «Родная нива» был первым и самым долговременным предприятием Касаткина, многие последующие его издания журналов и газет оставались после выпуска нескольких номеров.⁸

Проследим хронологию событий. В прошении от 22 авг. 1904 г. в Главное управление по делам печати С. С. Окрейц просит утвердить А. К. Касаткина в звании издателя журнала «Речь», 9 окт. Касаткин утверждается издателем «Речи», а 23 окт. 1904 г. он получает свидетельство на издание журнала «Родная нива». Рышков согласился редактировать журнал 30 нояб., а официально, в Главном управлении по делам печати, был утвержден редактором 15 янв. 1905 г.⁹

В своем дневнике Рышков сделал запись 30 нояб.: «Попробуем начать еще и это дело. Может быть, что-нибудь выйдет. А сейчас все-таки эти сто рублей в месяц дадут мне возможность меньше занимать на еду. А работы никакой и никогда я не боялся. И чем ее больше, тем, кажется, легче живется» (РО ИРЛИ, ф. 270. Дневник В. А. Рышкова).

В начале декабря Рышков «возился» с первым выпуском журнала, собирая его «по столовой ложке». 11 дек. вышел пробный номер, в ко-

---

⁸ Вышло, например, лишь по одному номеру журналов: «Жизнь» (1906), «Минуты забвения» (1910), «Панорама» (1914). Издание Касаткиным газет было также краткосрочным («Петербургская газетка», «Тверская жизнь» и др.).

⁹ Сведения даны на основании документов: РГИА, ф. 776, оп. 8, № 1389. Об издании в г. СПб. журнала под названием «Речь», переименованного в «Родную ниву»; РО ИРЛИ, ф. 270 (Уведомление А. К. Касаткину, издателю журнала «Родная нива», об утверждении в звании редактора В. А. Рышкова. 1905, 15 янв.).

тором редакция заявляла: «„Родная нива“, вступая в первый год своего существования в момент особенно сильного подъема гражданского чувства в нашем обществе, в момент все большей жажды *сознательного* отношения к окружающей действительности, ставит своею основною задачею возможно полное, живое и исключительно „правдивое“, чуждое всякой предвзятости, освещение и словом и рисунком светлых и темных сторон русской жизни. „Правда, одна только правда“ — вот основной девиз юной редакции».¹⁰

Структура «Родной нивы» была традиционной. В журнале имелись беллетристический и литературно-критический отделы, печатались общественно-политические обозрения, к которым примыкали «Беседы» Рышкова (о них речь впереди), краткие юбилейные статьи, исторические справки, некрологи, имелся также «Почтовый ящик». Журнал выходил по субботам.

Сравнение вновь созданного журнала «Родная нива» с еженедельником «Нива» напрашивалось само собою из-за близости названий. Ознакомившись с первым выпуском журнала, поэт Василий Иоакимович Дмитриев в письме от 27 дек. написал Рышкову: «С удовольствием узнал я, что Вы стали во главе нового журнала, видел пробный номер „Родной нивы“ и удивлен прекрасным исполнением иллюстраций, великолепною бумагою и не менее замечательным содержанием. Если так пойдет и дальше, то перед „Родной нивой“, пожалуй, спасует просто „Нива“» (РО ИРЛИ, ф. 270).

Разумеется, новый журнал не мог конкурировать с «почтенным собратом», самым популярным семейным еженедельником «Нива». Но он стремился занять свое место и обрести своего читателя-адресата, намеренно расширяя читательскую аудиторию в сторону грамотных крестьян, что подчеркивали как уточняющее название издания «*Родная нива*», так и виньетка на обложке с изображением русского пахаря. «Нива», несмотря на массовое распространение, не являлась журналом для народа. Таким образом, задачи и выбор ведущей читательской группы у еженедельников с близкими названиями были все же разными.¹¹ Петербургский подписчик А. Данилов в письме от 3 авг. 1905 г. сравнивал журналы: «Я же со своей стороны весьма сочувствую вашей цели, т. е. направлению журнала, и с интересом его читаю. „Ниву“ Маркса я тоже получаю, но в ней только рисунки просмотрю (под-

¹⁰ Родная нива. 1904. Пробный номер. С. 16.

¹¹ Разными были и подтипы еженедельников: семейный у «Нивы» и художественно-литературный у «Родной нивы». В связи с этим отделов литературной критики и публицистики в «Ниве» не было, хотя с 1895 г. в приложениях к «Ниве» печатались ежемесячные обзоры Р. И. Сементковского «Что нового в литературе?».

писываюсь только из-за приложений, и они меня заставляют подыскивать компаньона на подписку, потому что одному дорого, и делим — Шел<лера> и Салт<ыкова> мне, а остальное ему), в „Ниве“ нет того, что требуют нынешние условия жизни, в „Родной ниве“, наоборот, все статьи отвечают духу времени и на жгучий вопрос есть ответ» (РО ИРЛИ, ф. 270).

Круг авторов журнала формировался Рышковым и Измайловым. В анонсе отмечалось, что в издании «Родной нивы» согласились принять участие: В. Г. Авсеенко, М. Н. Альбов, Л. Н. Афанасьев, К. С. Баранцевич, Н. Н. Брешко-Брешковский, А. Н. Будищев, П. В. Быков, Л. Г. Жданов, В. В. Жуков, З. Н. Журавская, А. Е. Зарин, А. Зенгер, А. А. Измайлов, С. А. Изнар, А. П. Каменский, А. А. Коринфский, А. И. Куприн, В. А. Мазуркевич, Б. Л. Модзалевский, Н. Д. Носков, Н. А. Панов, свящ. Григ. С. Петров, Н. И. Позняков, И. Н. Потапенко, Н. О. Пружанский, С. Л. Рафалович, П. А. Россиев, В. А. Рышков, М. П. Садовский, А. И. Свирский, Н. В. Симбирский, Г. Т. Северцев (Полилов), В. А. Тихонов (Мордвин), Н. Тэффи, Л. Н. Урванцов, А. И. Фаресов, Ф. А. Червинский, Н. Г. Шебуев, Г. П. Эрастов и др. Не все поименованные в анонсе писатели приняли участие в журнале, отчасти из-за его недолговечности, характерной для данного типа изданий вообще: в 1905 г. вышли 52 номера, а в 1906 г. — 10 номеров (с 7-го номера за редактора подписывался Касаткин), после чего журнал прекратил свое существование.

В письме,¹² относящемся к периоду организации журнала, А. А. Измайлов приглашал к сотрудничеству писателя И. Л. Леонтьева-Щеглова: «Не раз эти дни склоняли мы Ваше имя, дорогой Иван Леонтьевич. Дело в том, что затеялось и разворачивается некое новое дело — журналец „Родная нива“. Ведаем его — В. А. Рышков и я. Дали нам согласие участия и свои вещицы люди порядочные: Баранцевич, Альбов, Потап<енко>, Авсеенко, Будищев,¹³ Позняк<ов> и иные. Что, если бы мы дерзнули просить Вас о том же, т. е. 1) о позволении поставить имя и 2) о рассказике. Заплачено будет немедленно и quantum satis.¹⁴ Дело разворачивается с матер<альной> стороны с быстротою и успехом, всех нас удивляющими. Сколь приятно было бы Ваше участие Рышкову и мне, — не пишу, потому что, кажется, Вы не должны сомневаться в наших чувствах к Вам и как к писателю, и как к чело-

¹² Датируется по содержанию концом ноября—началом декабря 1904 г.

¹³ В ходе работы над статьей был выявлен не учтенный в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова псевдоним А. Н. Будищева — А. Щев. См.: РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 4, № 50, л. 2 (Будищев А. Н. Автобиография (Первые литературные шаги). [1909]).

¹⁴ quantum satis — сколько требуется; достаточное количество (лат.).

веку».¹⁵ Щеглов согласился и впоследствии отмечал, что он близок к «народной подоплеке» «Родной нивы» под редакторством Рышкова; в журнале были напечатаны его рассказы «Пустое занятие» и «Генерал Пуп (Из воспоминаний о Мухрованской крепости)».¹⁶

Первый номер 1905 г. открывался стихотворением А. А. Коринфского «Родная нива» и оригинальным рисунком А. Зубрилова того же названия. Кроме святочного рассказа Тэффи и рождественских стихов Н. Панова, традиционных для праздничного номера, в беллетристический отдел были включены рассказы К. Баранцевича «С благодарностью» и Г. Эрастова «Комарик (Рассказ из боевой жизни)». Номер дополнялся критическим отделом «Литература и жизнь» А. А. Измайлова и разделом «Беседа» В. Рышкова, ставшим впоследствии особенно популярным, а также краткими юбилейными статьями, «Почтовым ящиком» и описанием рисунков, обещанных подписчикам в виде приложений. Расположение литературного материала в журнале не было устойчивым: номер мог открываться как поэтическим, так и прозаическим произведением.

Журнал ориентировался на средний круг читателей, людей скромного достатка, стремящихся к знаниям и к осмыслению текущих общественно-политических событий. Петербургский подписчик А. Данилов писал: «Я думаю, подписчиками у вас состоят в большинстве из народа и среднего достатка, которые стремятся посредством доступного по цене журнала пополнить свои познания. <...> Согласитесь, неловко, такой дряни уже много написано, а вот чистоты, света, света, побольше света дайте, вот нам что надо» (РО ИРЛИ, ф. 270).¹⁷

В программной статье первого номера редакция заявляла о том, что лишь в просвещении народа (с ориентацией на крестьянство) она видит залог процветания родины, личного счастья и совершенствования. В редакторском манифесте говорилось: «То и дело приходится читать и слышать о часто трогательных порывах родной деревни к свету знания. <...> Желание дать такое удовлетворение умственных запросов людям самого скромного материального положения и достатка руководило нами при выработке возможно минимальной стоимости журнала. Мы можем, таким образом, без преувеличения сказать, что наше издание, при данной программе, является единственным, так

---

¹⁵ РО ИРЛИ, № 808, л. 48 об.—49 об.

¹⁶ Щеглов Иван. 1) Пустое занятие // Родная нива. 1905. № 23 (начало)—№ 26 (окончание); 2) Генерал Пуп (Из воспоминаний о Мухрованской крепости) // Родная нива. 1906. № 4. С. 37—39, 42—43.

¹⁷ Подписная цена издания была 2 руб. в год. «Я не ожидал, чтобы за два рубля были такие журналы; хорошие и занимательные», — писал в редакцию подписчик из Екатеринодара Г. Пилагут<ин> (РО ИРЛИ, ф. 270).

как иные существующие органы, среди которых найдутся один-два, даже еще большей доступности по цене, по программе своей не дают такого соответствия требованиям „большой“ публики. Некоторые из них и совсем рассчитаны на вкусы известного, не всегда широкого кружка интеллигенции. <...> Мы считаем для себя обязательным лишь одно, властно направляющее нашу деятельность, условие: русский журнал, рассчитанный на широкое распространение в народе, должен быть *русским*, должен быть *народным*, в том благородном значении этих слов, в каком их понимает лучшая часть просвещенной России. Нам будут одинаково близки интересы всех народностей, составляющих великую семью-державу, и мы можем заранее предупредить людей, иначе мыслящих, что ни одно слово человеконенавистнического натравливания одной национальности на другую, ни одна антиинородческая вылазка — не найдут места в „Родной ниве“. Каждое дело может быть прочно лишь тогда, когда у него *своя почва, свой фундамент*. Такою почвою является для нас этот завет служения *русскому народу*, не в исключительном понимании „меньшего брата“, но, разумеется, с такою же полноправностью и русского интеллигента». ¹⁸

Конкретизацией образовательно-воспитательной программы и лицом журнала стал раздел «Беседы», в котором Рышков ставил социальные и нравственно-этические вопросы, активизируя самосознание «маленького человека» и воспитывая в нем чувства достоинства и внутренней свободы. Защита прав и личности «маленького человека», находящегося «в полном пренебрежении у большого человека», является отправной точкой почти всех статей Рышкова. Именно благодаря социальному мотиву, объединяющему разные по тематике статьи «Бесед», журнал пользовался успехом у грамотных крестьян, мещанства и мелкого чиновничества, которые осознали его как «свой» журнал и составляли ведущую читательскую группу.

Первая «Беседа» Рышкова естественным образом начиналась пожеланием читателям окончания русско-японской войны и была посвящена «исключительно пахарю родной нивы». «У вас мало земли, — обращался Рышков к крестьянам, понимая, что малоземелье — главное зло земледельца. — Покупайте ее у соседних владельцев. Бейтесь из последнего, но не уступайте ее на сторону пришлым людям — купцам, чиновникам, иностранцам и своему брату — разжиревшему кулаку. Покупайте через банк, на мирские деньги, в рассрочку, на выплату, — бейтесь, говорю, из последнего, каждую копейку ставьте ребром, берите на себя великую тяготу, но покупайте в собственность как можно больше земли. Вы с нею справитесь, потому что вы на ней вечные

---

¹⁸ От редакции «Родной нивы» // Родная нива. 1905. № 1. С. 2.

работники, а не временные „дачники“. И, покупая землю, учите детей. <...> При помощи земства стройте же в деревне, около родных нив, столько школ, сколько прежде было в ней кабаков, ласкайте и любите учителя ваших детей, не обижайте их учительницу и посылайте к ним детей *все и обязательно*».¹⁹

Вторая «Беседа», приуроченная к окончанию рождественских праздников, начиналась с обрисовки, казалось бы, чисто бытовой ситуации, когда «вечно недовольная господами прислуга покидает неизменно недовольных ею господ». Привычно несправедливые картины в отношениях «„барина“ (какое отжившее слово!)» с прислугой Рышков рассматривает с позиции защиты последней и предлагает определить ее «права». Воображаемый господин спрашивает автора: «Что же: — отводить ей лучшую комнату? Сажать за стол и предлагать от каждого блюда лучший кусок? Звать к ней профессора? Везти на кладбище под балдахином?! Нет. Но — относиться к ней по-человечески и не видеть в ней врага, — пишет Рышков, — *чтобы иметь право* ждать от нее благодарности и преданности...».²⁰

В духе проповеди была написана третья «Беседа», посвященная светлому и чистому «Христову дню» и «доброму чувству», в которой писатель напоминал о тех, кто существует без хлеба и крова и нуждается в помощи. Вместо того чтобы опошлять светлый праздник суетою ненужных «визитов» и раздачей «праздничных» денег швейцарам и лакеям парадных домов, Рышков призывает *«хотя эти деньги и хотя в этот праздник»* отдать нищему. «Но если вы такой счастливый человек, что даже не слышите и не видите их и не знаете, куда идти и кому дать, — пишет Рышков, — я направлю вас... Подите со своим излишком в отдаленные от центра улицы, взгляните только на то, что там делается, и, не разбирая и не справляясь, подайте рубль в любое окошечко грязного и затхлого подвала. <...> Побывайте в этот праздник „с визитом“ у этих людей».²¹

Всего в «Родной ниве» было помещено девять «Бесед» Рышкова.²² Поводом для их написания могли послужить конкретный бытовой случай, событие дня, издание правительственного приказа или «недоумение», о котором писатель давал свои разъяснения. Так, поводом для написания «Беседы» о просветительской роли интеллигенции послужила история двух братьев-мещан, подавших в суд на своего соседа за то, что он назвал их «сицилистами». Учитывая низкий уровень

¹⁹ Рышков Виктор. Беседы. I // Там же. С. 14.

²⁰ Рышков Виктор. Беседы. II // Там же. № 2. С. 24.

²¹ Рышков Виктор. Беседы. III // Там же. № 16. С. 149.

²² В 1905 г. I— VIII, в 1906 г. — I.

образования читателей журнала, преимущественно распространявшегося в провинции, писатель не просто объяснял в статье значение непонятных слов, но, главное, стремился переломить утвердившееся в народной среде разобщение с интеллигенцией, принимавшее порой весьма враждебные формы. В этой же «Беседе» Рышков возмущался бесчинствами «черной сотни»: «Кого еще будет избивать серая непонимающая толпа? <...> Изобьют и писателя, целый век писавшего, добивавшегося и, наконец, добившегося, чтобы личность самого этого представителя черной сотни была неприкосновенна, чтобы его самого не били ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах, — даже по суду и на каторге! Поймите, серые, слепорожденные, что вы будете избивать своих друзей...».²³ Тема осуждения черносотенных погромов и отчужденности людей труда и «работников мысли», заявленная в «Беседе», продолжает затем развиваться в журнале в рассказе Е. И. Альфа «Встретились» и очерке Сав. Раецкого «Наборщики».²⁴

Приведем несколько примеров читательского восприятия «Бесед» Рышкова из писем рядовых подписчиков. «Обыкновенный сельский обыватель» из Пермской губернии В. П. Пешников (к его письмам мы еще вернемся) пишет в редакцию: «Больше же всего желательны в „Родной ниве“ Ваши „свободные“ беседы, честные взгляды на жизнь и деятельность России по пути саморазвития, самоуправления, самопепервоспитания, „само“ и „пере“ без конца... Проповедуйте „конец“ бюрократии и „славу“ демократии! Восходит „новая заря“, но только с того ли горизонта, о котором кричат газеты? „некоторые“ газеты?» (РО ИРЛИ, ф. 270). Подписчик из Каргополя А. Н. Брянцев хотел бы, чтобы в каждом номере журнала помещались статьи «под заглавием „Беседы“, автор коих, как видно сам редактор, действительно, заслуживает поощрения в сих статьях; правда и одна только правда, которая, может быть, расчистила глаза в сем 1905 г. иной кривде...». В письме без подписи читатель сообщает: «...особенно интересуют нас Ваши „беседы“, поэтому уделяйте побольше места им». Читательница В. Тихомирнова пишет: «Журналом „Родная нива“ я и моя семья очень довольны вообще, но главное, „беседами“ и отделом „По городам и селам“» (Там же). В письме к редактору подписчик из Моршанска Д. И. Дмитриев замечает: «Я должен еще с этим письмом послать Вам глубочайшую благодарность за Ваши „беседы“, печатаемые в „Родной ниве“. Мое товарищество вместе со мной очень восхищается ими, и мы все нередко говорим: „Да, хороши, очень хоро-

²³ Рышков Виктор. Беседы. V // Родная нива. 1905. № 28. С. 248.

²⁴ См.: Альф Е. И. Встретились // Там же. № 51. С. 454—455, 458—459; № 52. С. 472—474; Раецкий Сав. Наборщики // Там же. № 45. С. 386—387; № 46. С. 394—395, 398.

ши его «беседы», только жаль, что мало так он пишет их“. Послушайте, и я с своей стороны попрошу Вас писать их чаще. Когда получишь журнал, развертываешь и ищешь глазами заглавие „Беседы“. Если найдешь — прочтешь, конечно, не без захватывающего интереса, и так тебе понравится Ваша смелая склонность все к одному... Я уверен, что с будущего года список Ваших подписчиков прибавится. Так пишите же чаще „беседы“, отзывайтесь ими о мире» (Там же).

«Смелая склонность все к одному», а именно к «честному взгляду на жизнь», определяющему место отдельного человека в обществе, воодушевляла простого читателя, а спокойно-доверительной тон, в котором Рышков вел свои беседы, создавал чувство близости автора и иллюзию «присутствия» читателя, к которому постоянно обращался писатель. Это не был голос трибуна, это был голос друга-собеседника, побуждающего к действию. «Разберите, наконец, эти сословные перегородки, — пишет Рышков, — не держите народ в невежестве и в темноте, сравняйте всех в правах, разрешите и крестьянину, и мещанину, и детям купцов и духовенства поступать наравне с дворянскими детьми во все школы и училища, и — через два-три десятка лет у нас будут побеждающие полководцы, талантливые администраторы, судьи, профессора, доктора, архитекторы, инженеры, писатели, художники. И будет их много... Столетиями мы ждем урожая только с издавна истощенной, обесиленной нивы. Надо тронуть не очатую новь. И она даст богатый, обильный урожай, в этом не может быть сомнения...».²⁵

Правилом журнала было просматривать присланные в редакцию рукописи Рышковым и Измайловым по очереди. Правило касалось как журнальной прозы, так и поэтического корпуса. После просмотра рукописей, оставшихся «по наследству» от редакции «Речи», Измайлов писал Рышкову в февральском письме: «Сейчас вымыл руки, дорогой Виктор Александрович, прочитав всю кучу присланных рукописей и пересмотрев хлам, т. е. и аллегорически умыл руки и буквально вымыл их с мылом. Последнее нужно б_ыло сделать и потому что все это шло от Окр_ейца и Пятк_овского, и потому что все это страшно грязно и нечистоплотно даже внешне. <...> Кой на что я обратил В_аше внимание, но и то больше для очищ_ения совести, ибо и тут не м_ожет б_ыть вопроса о том, печатать ли. Конечно, не печатать. Выбросьте мои листки из всех рукописей. Это все между нами раз навсегда. А секретарю — только сообщение *да* или *нет*. Иногда придется интимничать» (РО ИРЛИ, ф. 270). В другом письме к Рышкову от 26 окт. 1905 г. Измайлов писал: «Не посердитесь, не увидя в корректуре легенды ожидаемых существенных правок. Это не дело моей не-

²⁵ Рышков В. Беседы. IV // Там же. № 20. С. 184.

брежности, это дело больших трудностей, каких требует правка стихов. <...> Вообще, несравнимо легче самому написать стихи, чем править стихи, плохо сделанные другим» (Там же).

Более «гостеприимно» относился к начинающим писателям Рышков, в характере которого была сильно развита потребность оказывать поддержку и протягивать руку помощи самым разным людям из литературной и актерской среды. Просьбы о помощи и выражения благодарности писателю довольно часто встречаются в письмах корреспондентов и «рассеяны» по всему архиву. По желанию обоих соредакторов участие Измайлова в редакционной работе журнала оставалось в тени. Соредакторы стояли на близких идейно-эстетических позициях, а чуткость, свойственная каждому из них, помогала сохранять необходимое для дела равноправие, благодаря чему их личная дружба протянулась далеко в будущее. Не привела к конфликту и грубая заметка о «Родной ниве» в одной из газет, умалявшая роль Рышкова, ответственного и фактического редактора журнала. В письме 1905 г. Измайлов писал: «...заметка, которую Вы мне в послед<ний> раз показали, произвела на меня грустное впечатление, хотя я и не в ту же минуту в ней разобрался. Она доставила бы мне истин<ное> удовольствие, [если бы] там так нетактично не говорилось обо мне. Мое участие не объявлялось и о нем говорить печатно совсем ни к чему. Я думаю, что мне почти излишне г<ово>рить Вам, что я не только не просил об этом, но что и сделано это безо всяк<ого> моего ведома и предупреждения, ибо в противном случае я, конечно, просил бы о себе вычеркнуть. Человек, относящийся ко мне оч<ень> благожелательно и у к<о>-то>рого я бываю в семье, думал сделать мне удовольствие, а доставил неудовольствие. Это главное, что я хотел. Случай этот навел меня на грустные размышления о том, как многое, в сущности, может неприятно осложнять наше дело и отношения. Конечно, если бы появилась заметка, более явно оскорбляющая Ваше настоящее положение в журнале (тут же, в сущности, не оскорбление, а нетактичность), то я счел бы долгом немедленно восстановить справедливость письмом в ред<акцию>. Вообще, месть врагов, недоброжелательство чужих людей, нечуткость друзей, даже моя личная неосторожность или непредусмотрительность в отнош<ениях>, нап<ример>, с издателем (но, свидетельствуюсь совестью, никогда непреднамеренная) могут создать недоразумения в Ваших отношениях ко мне. По существу дела, почти невозможно обратное положение. И вот я прошу Вас об одном, о чем всегда просил, — говорите мне все искренно, что бы Вы ни слышали, а затем помните, — и я рад это засвидетельствовать на бумаге, что я не сочту себя вправе остаться один день в „Р<одной> н<иве>“, если Вы

покинете ее не по force majeure,²⁶ не по болезни, не по личному, совершенно добродетельному желанию, и — второе — что как только я увижу издали тень кошки, готовящейся пробежать между нами, при чем-либо добром содействии, я в тот же день беспротестно и беззлобно оставляю свой стул в „Родной ниве“, ибо для меня сохранение добрых отношений с Вами дороже того заработка, кото<ры>й дает мне К<асаткин>» (РО ИРЛИ, ф. 270).

Беллетристический отдел был основным в «Родной ниве». Отбор журнальной прозы для него происходил с учетом восприятия неискушенного народного читателя, имевшего свои социально-психологические особенности. Примечательно, что для нового читателя скорее общественное, а не художественное значение составляло «своеобразную красоту той литературы, которая доходит до сердца народа». «Жажда справедливого — в крови читателя-демократа, измученного вечной несправедливостью... <...> У народа при этой жажде правильной жизни есть огромное желание отдохнуть душой... <...> Нетронутому, детски-наивному новому читателю, — пишет литературный обозреватель, — нужны художественные произведения — прекрасные, справедливые, осмысливающие жизнь и выпрямляющие душу. Об этом говорят и анкеты, и наблюдения Рубакина, Ан-ского и произведения писателей, вышедших из народа».²⁷ Среди «справедливых и выпрямляющих душу» произведений «Родной нивы» укажем рассказы «Петр Кондратьев» В. Жукова, «Горбун» Тима, «Слияние сословий» Р. Антропова, «На службе» А. Фаресова, «Катюшин ужас» Евг. Левшиной, а также историко-бытовой роман П. Россиева «Горох», написанный в духе христианской морали. (Отметим также, что переводная беллетристика появлялась в журнале лишь эпизодически.)

Редакция «Родной нивы» включала нового читателя и в авторы журнала. Явление «перерастания» демократического читателя в писателя из народа было характерной чертой литературно-общественного процесса начала XX в.: очевидным стало то, что «не только литература идет в народ, а сам народ идет в литературу».²⁸ «Сейчас родился новый читатель, который хочет не только читать, но и творить. Он не хочет уже больше слушать, что говорят другие, — писал Горькому провинциальный литературный предприниматель, — он хочет слу-

²⁶ force majeure — чрезвычайные обстоятельства, непреодолимое препятствие (франц.).

²⁷ Львов-Рогачевский В. Великое ожидание (Обзор современной русской литературы) // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. С. 157.

²⁸ Львов-Рогачевский В. Без темы и без героя // Современный мир. 1913. № 1. С. 118; см. об этом: Никитина Е. П. Поэты и критики о читателе в десятилетия XX века // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 200—202.

шать свою мысль, свое сердце и исполнять призывы их. И вот, мне кажется, сейчас надо собирать эти силы, искать их».²⁹ В Приложении к журналу «По городам и селам», выходящим под личным руководством Рышкова, редактор приглашал читателей к сотрудничеству. Откликнулся петербургский подписчик А. Данилов, который в письме от 3 окт. 1905 г. пишет: «Посылаю вам свой первый шаг, он первый как на жизненном, так и на литературном поприще и прошу вас при вашем исправлении напечатать, если этого нельзя сделать, то не утомляя себя укажите убогие листы. <...> Я лично не скоро решился бы вас побеспокоить, если бы не прочитал „По гор<одам> и сел<ам>“ ст. 69 совета писать и даже писать как можно больше. Пишу я по влечению сердца и любви к литературе, впрочем, что врать, некоторая доля есть корысти и тщеславия... <...> Простите и вы меня, что я отнимаю у вас драгоценное время, которое вы могли бы употребить на более лучшее и полезное, например, на „Беседы“. Приношу вам за них глубокую благодарность, но жаль, редко помещаете, вероятно, этому причиной наша противная мазня. За „Родную ниву“ благодарю вас и издателя. Она является будильником народного мышления» (РО ИРЛИ, ф. 270).³⁰

В беллетристическом отделе журнала публиковались поэтические и прозаические опыты писателей-самоучек и выходцев из крестьянской среды: А. Н. Севастьянова, Н. А. Ключева, Н. А. Панова, П. С. Клокова. Первая журнальная публикация Петра Семеновича Клокова (1879—1947), выходца из старообрядческой крестьянской семьи, состоялась именно в «Родной ниве». В дальнейшем его стихи и прозаические произведения печатались в различных периодических изданиях: «Порыв» (1907), «Народный журнал» (1913), «Живое слово» (1912—1913), «Северное утро» (Архангельск; 1919), «Современное дело» (1913), «Жизнь» (1906), «Доброе утро» (1916), «Друг народа» (1915) и др. Отдельным изданием под псевдонимом Тихий Семен вышла книга стихов: «Из песен рабочих» (Архангельск, 1919).³¹ Любопытно со-

²⁹ Горький М. О писателях-самоучках // Современный мир. 1911. № 2. С. 178.

³⁰ Ср. со взглядом на просветительство читателя-самоучки С. Т. Семенова, который приводит известный просветитель и исследователь читательских потребностей Н. А. Рубакин: «Указывая книжки, которые он давал читать своим односельчанам, Семенов говорит, что выбирал те, в коих проводится какое-нибудь „полезное нравоучение“, „чего очень нуждается наше крестьянское общество“, добавляет он. По его мнению, задача человека, сочувствующего народному просвещению, это „будить людей“» (Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике: факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895. С. 170).

³¹ См. рецензию на нее: Эльгадд Н. Простые песни // Возрождение Севера (Архангельск). 1919. 12 окт. № 225. С. 4. См. также публ. его стихов в кн.: Поэтический год: 1962. Горький, 1963. С. 103—107. В этой связи отметим, что во вступительной заметке к стихам Клокова А. Цирульников ошибочно указал, что «своей книги поэту издать так и не пришлось» (Там же. С. 103—105).

хранившееся в архиве Рышкова письмо П. С. Клокова, в котором начинающий автор, не совсем уверенный в своих творческих возможностях, в то же время вполне убежден в своем праве на печатное слово и готов поделиться с новым читателем «своими грезами-думами». Приводим это письмо полностью:

1905.14.V. с. Сормов. Уважаемый В. А. Познакомься еще с первых №№ с редактируемым Вами журналом «Родная нива», я сверх моих искренних желаний не мог по сие время поделиться насколько позволят мне мои силы с нарождающимся на Руси новым читателем, рабочим и крестьянином, своими грезами-думами, будучи сам выходцем из их трудовой среды. Только теперь, освободившись несколько от кипучей, всепоглощающей работы в местн<ом> «Нижегородском листке», нашел возможность послать Вам пять стихотворений и набросок «Под звон колокольчика».

При сем, считаю своим долгом сказать несколько слов о себе: я крестьянин, рабочий на Сормовских зав<одах>. Благодаря личному знакомству с Ал. М. Пешковым³² и Евг. Н. Чириковым, ободренный ими, я года два тому назад начал работать в местных газетах «Нижегор<одском> листке» и частью в «Волгаре», где изредка печатаю свои стихотвор<ения>. В какие-либо журналы я по сие время не посылал ничего, да и теперь, признаюсь Вам, уважаемый В. А., сомневаюсь в своих силах. Если найдете возможным, прошу Вас не отказать напечатать посылаемые Вами сегодня же заказной бандеролью вещи под псевд<онимом> С. Тихого.

Р. С. На ответ посылаю Вам марку.

С ист<инным> почт<ением> Петр Клоков.

Адрес: Сормово, Нижегород<ская> губ<ерния>. Б. Шоссейная ул., д. № 24а.
П. С. Клокову.

В «Родной ниве» были опубликованы стихотворение «В глуши» и рассказ Клокова «Горе».³³ В коротком рассказе начинающего писателя отразились вся гамма переживаний крестьянина-возницы, жажда мира, простого труда и света, вместо которых его ждет нищая старость после известия о гибели единственного сына на русско-японской войне. «Очень сильное впечатление произвел рассказ „Горе“», — писал в редакцию Г. Ф. Карпенко (РО ИРЛИ, ф. 270).

Военно-патриотическая тема, вызванная русско-японской войной и ее отголосками, пронизывала всю «Родную ниву». Тем же настроением безысходности, что и в рассказе «Горе», охвачен крестьянин Василий Чиркунов, герой произведения М. Ф. Лубинского «На пашне».³⁴ Он любит широкое русское поле и однообразный крестьянский труд, но после тяжелого ранения на русско-японской войне уже не чувствует себя хозяином на пашне и не способен прокормить свою семью. ДЕРЕ-

³² См. о знакомстве с Горьким: *Клоков П. С. Мои встречи с Горьким // М. Горький в Н.-Новгороде. Нижний Новгород, 1928. С. 36—38.*

³³ *Тихий С. 1) Горе // Родная нива. 1905. № 31. С. 265—266; 2) В глуши // Там же. № 34. С. 289.*

³⁴ *Лубинский М. Ф. На пашне // Там же. № 49. С. 429—432.*

венские читатели «Родной нивы» легко идентифицировали себя с героями этих рассказов и горячо сострадали им. В «Беседе», посвященной «этой неудачной, несчастной и нежеланной войне», Рышков пишет о главном ее герое — русском солдате и выражает надежду, что «в будущем ему суждено воевать только в том случае, если он сам, народ, решит, что война необходима и неизбежна».³⁵ Беллетристические произведения Г. Эрастова «Комарик» и «В огненном вихре», Ф. Черного «Все благополучно», Н. Пружанского «Убит» и стихотворения «Голос народа» А. А. Коринфского, «Народным героям» В. Тарноградского, «Нет, Порт-Артур не пал!» Л. Афанасьева, «Мирно спит кладбище сонное» А. Дрождинина эмоционально «подкреплялись» в журнале иллюстрациями военной тематики С. В. Животовского «Последний день Артура», «Генерал Н. П. Линевиц на передовых позициях», «Из Манчжурии домой», «Сестра милосердия», «Блины в землянке на войне», З. Юргенсона «Письмо с войны» и др. Военная проблематика рассматривалась в журнале в сопоставлении с социально-нравственными вопросами: мрачные картины войны дополнялись не менее трагичными картинами нищей жизни деревни, городских низов и мелкого чиновничества в рассказах Г. Т. Северцева (Полилова) «Опасный промысел», «Тоска» Т. Ардова и очерках В. Якимова «Голодать собираемся» и А. Фаресова «Обесценена жизнь».

«Происходил из народа» и «писал для народа» другой автор «Родной нивы» — Александр Николаевич Севастьянов (1870—1919). После окончания сельской школы, почувствовав «сильное влечение к литературе», он начал писать, и с 1887 г. его рассказы, повести, стихи и корреспонденции стали печататься в столичных и провинциальных периодических изданиях,³⁶ а стихотворения были опубликованы в сборниках писателей-самоучек «Родная нива» (М., 1893), «Думы» (М., 1895), «Нужды» (М., 1896—1897) и др. Это был крестьянский писатель, пытавшийся жить литературным трудом. «Скитаясь по подмосковным фабрикам и заводам» в качестве конторщика и писца, он не сделал служебной карьеры, вызывая недовольство начальства за одну только «причастность к литературе». Вернувшись в родную деревню, Сева-

³⁵ Рышков В. Беседы. VII // Там же. № 46. С. 401.

³⁶ Среди них журналы «Родина», «Луч», «Север», «Иллюстрированный мир», «Звезда», «Колосья», «Вестник трезвости», «Досуг и дело», «Кормчий», «Народное благо», «Интеллигент», «Вестник русской конницы», «Чтение для солдат», «Русский воин», «Наблюдатель» и газеты «Русское чтение», «Екатеринбургская неделя», «Русский листок», «Московские ведомости», «Воскресение», «Биржевые ведомости», «Гласность», и др. Только в журнале «Досуг и дело» Севастьянов поместил, по подтверждению редактора-издателя С. П. Зыкова, начиная с 1899 г. около двухсот печатных листов беллетристических произведений (РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 643, л. 12).

стьянов горестно констатировал, что «человек, рискнувший в провинции заняться литературой, должен оставить надежды на служебную карьеру у частных лиц».³⁷ Не удалось устроиться ему и на чиновничью службу, традиционно требовавшую хоть небольшой протекции, которой у него, крестьянина, тоже не было. Литератор малого таланта, он писал по преимуществу о нуждах деревни, но писал много, и проработал на литературной ниве в общей сложности около 30 лет. За эти годы ему пришлось пережить и безработицу, неизбежно возникающую при закрытии газет и журналов, и конкуренцию, а главное, постоянную неуверенность в оплате своего литературного труда.

С точки зрения взаимоотношений писателя с журналом интересно письмо Севастьянова к Рышкову. В этом письме при ясном понимании своего скромного места среди профессиональных литераторов он пытался выяснить у редактора, во-первых, критерии отбора для публикации тех или иных произведений и, во-вторых, интересовался вопросом определения литературного гонорара как человек, живущий в основном литературным заработком. Причем, если обнародованные, достаточно высокие размеры авторских гонораров и гонорарных ставок известных писателей позволяли им вести обеспеченный образ жизни, то писатели второго ряда и «литературшики», как правило, бедствовали и были постоянно заняты устройством своих произведений в печать. Именно в таком положении находился всю жизнь крестьянский писатель Севастьянов, печатавшийся по преимуществу в изданиях, предназначенных для народа, имеющих низкую подписную цену, а следовательно, низкие гонорары. Литературный гонорар в России имеет свою историю возникновения и развития, связанную с ростом профессионального сознания литераторов. «Изучение истории литературного гонорара, — отмечает важность проблемы А. И. Рейтблат, — позволяет, на наш взгляд, выносить суждения обо всех участниках культурного процесса — издателях, литераторах и читателях (покупателях и подписчиках)».³⁸ Обратим внимание на письмо Севастьянова к Рышкову от 23 окт. 1905 г., в котором писатель-самоучка пишет редактору:

...1. Да, я не Чехов, хотя хорошо знал личность Антона Павловича, бывая не раз у него в его имении Мелихово, которое всего в 7 верстах от меня. Если желаете, я могу поделиться для Вашего журнала ко второй годовщине смерти покойного писателя своими воспоминаниями о нем, хотя их отчасти использовал (без моего разрешения на то)

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 643, л. 4.

³⁸ *Рейтблат А. И.* Литературный гонорар в России XIX—начала XX в. (К постановке проблемы) // *Книжное дело в России во второй половине XIX—начале XX вв.* Л., 1988. Вып. 3. С. 127.

г. Яцимирский, напечатавший выдержки из них в литературном приложении к «Ниве» в год выхода в приложениях к ней сочинений Чехова.

2. Действительно, восемнадцатый год толкаясь на литературной ниве, обойдя за это время целый ряд различных ежедневных, еженедельных и ежемесячных изданий, как обеих столиц, так и провинции, мне приходилось наталкиваться на некоторые «чудеса и диковинки» закулисной жизни этого мира, о которых стыдно и больно писать, не хочется и вспоминать даже. <...> Платили мне и по копейке за строку, платили и по полторы; были такие, что, посулив чуть ли не по гривеннику за строчку и напечатав мои рассказы или повестушки, ничего не платили мне за них, да и платить не могли, потому что с Божью помощью сами прогорали вчистую и лопались с своими изданиями как мыльные пузыри. Полюстно мне приходилось работать и по 15 руб. с полного листа и по 20 (это с одной очень известной книгоиздательской фирмы за выпуск ею отдельными брошюрками некоторых моих рассказов, прежде напечатанных в каких-либо повременных изданиях). Случалось получать свои рукописи обратно нечитанными (для узанания этого у нас ведь существуют некоторые хитрости, как, напр<имер>, подклейка слегка известной страницы и проч.), и это после вежливого уведомления редакции, что данная вещь по просмотру оказалась для печати неудобною. Но еще чаще случается, что какая-нибудь повестушка или рассказец, забракованные редакцией одного издания, как никуда негодная, вполне бездарная вещь, с удовольствием берется редакцией другого, да вдобавок еще иногда и оплачивается-то чуть ли не втрое большим гонораром, чем существует в первой. Отчего бы это? Очевидно, существуют различные взгляды на оценку нашего труда и дарования, и притом взгляды довольно разнovidные между собою. Признаюсь, это меня всегда интересует и занимает, но, к сожалению своему, я до сих пор не нашел этому отгадки и вряд ли найду ее когда-нибудь. По-моему, раз вещь признана негодной и бездарной одним, то она, следовательно, и точно никуда негодная вещь, и лучше ее бросить или сжечь, — на самом же деле выходит обратное. <...>

3. Вы пишете: «Редакция — не лавочка». Позвольте, глубокоуважаемый Виктор Александрович, не согласиться с этим. Если не по отношению именно к Вашей, то по отношению к другим редакциям изданий нельзя сказать, чтобы редакции, действительно, строго стояли на страже чести. Взгляните Вы в предподписочные объявления большинства наших разнородных изданий, прислушайтесь к их зазыванием подписчиков, с всевозможными посулами того и другого (чаще всего на деле не исполняемыми), и Вы сами скажете, что большинство наших если не редакций, то издателей, недалеко ушли от тех уличных торговцев, которые продают свой товар с лотка, всячески выхваляя его, а на самом деле всучая Вам совсем «другой коленкор».

Как часто приходилось мне встречать такие издания, которые из обещанных ими произведений крупных литературных сил не давали своим подписчикам ничего, кроме перечня этих имен в своих предподписочных объявлениях, ведя потом весь год свое издание исключительно скромными силенками нас, не менее скромных работников пера, чье имя то и дело пестрит в слезах читателя под читасмыми им рассказами, но ни разу не встретится в чудовищных афишах-объявлениях тех же изданий, десятками и даже сотнями тысяч рассыпаемых ими перед открытием подписки по России. Отчего замалчиваются имена нас, скромных тружеников, муравьев русской литературы, и почему наши труды оплачиваются жалкими грошами, когда «светилам» щедро отваливаются рубли. Много горечи и несправедливости в закулисной жизни нашей братии — работников пера, о которых горько писать.

4. В одном я соглашаюсь с Вами, то это в том, что мои литературные вещи требуют некоторой обработки. Да и как не требовать им того. Ведь я крестьянин, получивший научное образование, только пройдя курс сельской школы, и дальше предоставленный самому себе не только заканчивать свое образование, но и добывать себе и семье своей кусок хлеба. С 14-ти лет пришлось мне делать это. И если я за восемнадцать лет своего

служения литературе написал и напечатал более двухсот очерков, повестушек и рассказцев, не считая массы стихотв<орений> и проч<их> мелких заметок, то этим я всецело обязан самому себе, своему самообразованию да тем светлым личностям, которые *бескорыстной поправкой моих произведений* давали мне и нравственную и материальную поддержку на этом трудном пути. Благодарная память о тех людях не умрет в душе моей до гроба, и если осуществится моя заветная мечта — написать и напечатать в каком-нибудь толстом журнале (хотя бы в «Историческом вестнике») свою полную автобиографию, то все эти люди пройдут перед глазами читателей, получая каждый по заслугам своим... (РО ИРЛИ, ф. 270).

В «Родной ниве» были напечатаны стихотворения Севастьянова «В лесу зимой», «Не ропщи, замолчи, старый лес» и рассказ «Колокол». ³⁹ В пасхальном рассказе «Колокол», типичном образце календарной литературы, утверждаются ценности христианства. Ожидание чуда, свойственное христианам в святую ночь, совпадает с настроением рассказа Севастьянова, в котором под ударами колокола происходит чудесное перерождение персонажей, еще недавно собиравшихся совершить злодеяние. «Праздничные» рассказы, традиционные для многих «тонких» журналов, были востребованы читателями, тесно связанными с народными обычаями. Как отмечает исследователь календарной литературы Е. В. Душечкина, провинциальные и деревенские читатели «нуждались в таком чтении, которое бы не только давало новое, но и утверждало старое». ⁴⁰

Возвращаясь к взаимоотношениям Севастьянова и редактора «Родной нивы», заметим, что позднее, в 1911—1913 гг., Рышков неоднократно содействовал оказанию материальной поддержки писателю от Постоянной Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам Академии наук, на службе в которой Виктор Александрович состоял приватно.

Среди крупных литературных имен «Родной нивы» был А. И. Куприн, напечатавший в журнале три рассказа: «Черный туман», «Сентиментальный роман» и «Осенние цветы». ⁴¹ В фонде сохранилось письмо Куприна, относящееся к периоду сотрудничества с журналом, датированное по штемпелю 3—4 июля 1905 г. Неопубликованное письмо касается характерной особенности творческой манеры писателя. Известно, что Куприн правил, переделывал и порой изменял до неузнаваемости свои ранние рассказы, особенно рассказы так называемого «киевско-

³⁹ Произведения А. Н. Севастьянова в «Родной ниве» за 1905 г. см.: Колокол (№ 16. С. 146—148); В лесу зимой (№ 8. С. 78); Не ропщи, замолчи, старый лес (№ 17. С. 159).

⁴⁰ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995. С. 178.

⁴¹ Рассказы Куприна в «Родной ниве» см.: Черный туман (1905. № 3. С. 25—27; № 4. С. 38—40, 42); Сентиментальный роман (1905. № 15. С. 130—131, 132); Осенние цветы (1906. № 1. С. 3, 6—8).

го» периода. Исследователь Ф. И. Кулешов отмечает, что писатель «обращался к переделке или значительной доработке своих прежних рассказов, создавая их новую редакцию. Так он поступил, например, с забытым к тому времени рассказом „Наташка“ (1897), превратив его в до неузнаваемости обновленный рассказ „По-семейному“ (апрель, 1910), который произвел сильное впечатление на Толстого». ⁴² И. А. Питляр также пишет: «В более поздних произв<едениях> К<уприн> нередко варьировал свои „киевские типы“ (напр., черты хозяйки дешевых меблированных комнат можно найти в рассказе «Река жизни»; очерк «Вор» явно «отозвался» в рассказе «Обида», а очерки «Стрелки» и «Босяк» — в рассказах «С улицы» и «Погибшая сила»)). ⁴³ Переделки такого рода, углубление или изменение характеров, деталей, заглавий рассказов были следствием эволюции художественных приемов писателя. Об этих особенностях творческой манеры Куприн сообщает в письме к Рышкову. Приводим текст письма полностью:

Многоуважаемый Виктор Александрович! Что за мысль о перепечатке? Просто: лет 7—8 тому назад у меня где-то, в ныне уже не существующей газете, был рассказ, детски сделанный, но который мне теперь по [фабуле] показался заслуживающим внимания, и я его восстановил по памяти. Вы ведь сами знаете, что такого рода работа еще труднее, нежели писание наново, и потому вряд ли я заслуживаю порицание, особенно имея в виду, что заглавие я сделал новое, ибо старого не помнил, тоже, впрочем, как не помнил и ни одной детали.

Ваш А. Куприн.

Отбирая произведения для отдела беллетристики, соредакторам порой приходилось отказывать своим старым друзьям, занятым постоянной заботой об устройстве своих произведений в печать. Писатель для детей, педагог Н. И. Позняков, печатавший в «Родной ниве» столичные миниатюры, ⁴⁴ с едкой иронией писал в журнал: «...шлю Вам благодарность за любезную, столь быструю присылку мне моих рукописей, которые Вы с А. А. так „внимательно прочитали“, что ничего из них не удостоили „Родной нивы“, ибо сей журнал начинает уже становиться чем-то вроде „Вестника Европы“, „Русского Богатства“, „Мира Божия“, бойкотирующих русских писателей вообще, а приглашенных ими к сотрудничеству — в особенности» (РО ИРЛИ, ф. 270).

⁴² Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна: 1907—1938. Минск, 1987. С. 77.

⁴³ Питляр И. А. Куприн Александр Иванович // Русские писатели: 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 231. А. А. Волков замечает, что рассказ «Бред» (1907) возник на основе более раннего рассказа «Убийцы» (1901). См. об этом: Волков А. А. Творчество А. И. Куприна. М., 1981. С. 209.

⁴⁴ См. столичные миниатюры Н. И. Познякова в «Родной ниве»: Дань (1904. Пробный номер. С. 3, 6); К слову (1905. № 20. С. 177); Панихидный гость (1905. № 5. С. 54); Траур (№ 26. С. 226).

В другом письме, уже в более легком «жанре», Позняков предлагает Рышкову встретиться и «потолковать» о своих «писаниях»: «...советую Вам ввиду удушливости столичного воздуха сегодня, 26-го, часам к 11 вечера взять шляпу и палку (на случай скандала) и заехать к Н. И. Познякову, который, переговорив с Вами о своих писаниях, может тоже взять шляпу и палку (тогда уже будет две палки) и заняться вместе с Вами легкомыслием: ибо он сегодня в одной редакции малость зачумульпил гонорарчика» (Там же).

Литературно-критический отдел «Родной нивы» вел А. А. Измайлов. Свою первую статью в традиционном для литературного еженедельника отделе критик начал с принципиально обоснованного для себя сравнения литературы с жизнью, причем сам заголовок отдела «Литература и жизнь» вызывал реминисценцию с Н. К. Михайловским, который в 1893—1903 гг. в «Русском богатстве» вел ежемесячный раздел того же названия. В некотором смысле это был знак солидарности с этико-социологической школой Михайловского, с одной стороны (хотя ни к каким литературным направлениям и группировкам Измайлов никогда не примыкал), и выражение признательности памяти крупнейшего публициста в годовщину его смерти — с другой. «Ничто лучше не отражает жизни, как литература, — пишет Измайлов. — Вот настоящее зеркало действительности, в котором отражается малейшая рябь необъятного житейского моря. <...> Мы открываем наши литературные беседы с целью подвести нашего читателя к этому зеркалу жизни и предложить ему посмотреть на себя и на других».⁴⁵ Исходя из этого, критик обращает внимание читателей «Родной нивы» и анализирует те явления литературной современности, которые тематически находятся в «естественной цепи» с жизнью: рассказы «Красный смех» Л. Н. Андреева, «Тюрьма» Горького и повесть «Поединок» А. И. Куприна. Свою позицию критика Измайлов разъясняет читателю так: «Старой ли мы школы или новой? Нужно сговориться относительно понимания этих терминов. Мы не новой школы, если под нею разуметь уродства недавнего декадентства. Повторяем, по-нашему, это „лже-новая“ школа, и нам кажется, что если имена Пшибышевских, Бальмонтов, Брюсовых и Сологубов войдут в историю, то лишь как имена жертв переходного времени, которых судьба избрала своим орудием для показания того, что „старая“ школа обаналилась, оскудела и требует обновления. Но мы и не старой школы, потому что имеющий глаза <...> не может не видеть, что <...> старые формы истощаются и блекнут, не может не видеть литературные фигуры, на долю которых выпадает смерть и забвение, прежде чем они успеют сойти с

⁴⁵ Измайлов А. Литература и жизнь // Родная нива. 1905. № 1. С. 14.

литературного горизонта».⁴⁶ Непрерывающаяся борьба старой и новой школ приводит литературу в постоянное движение, в результате которого возникает «субъективно-психологическая» школа, «великими пионерами» которой Измайлов называет Достоевского, Толстого и Чехова. Симпатии критика на стороне этой «истинно новой» школы, раскрывающей «глубочайшие тайники души», «пролагающей иные, дальнейшие, незнакомые пути». Особое внимание критик всегда уделял творчеству Чехова.⁴⁷ Годовщину смерти писателя Измайлов отметил в «Родной ниве» статьей «Памяти А. П. Чехова», а в одной из литературных бесед обращался к опубликованному после смерти Чехова в «Русском богатстве» рассказу-миниатюре «Волк».⁴⁸

Стихотворения включались в каждый номер «Родной нивы». Поэтическим лейтмотивом журнала стала тема русской деревни («Родная нива», «Проселок. (Из М. Конопницкой)» А. А. Коринфского, «В деревню еду!» Т. Ардова, «В деревне» Л. Чемисова, «Пожелание пахарю» Ник. Блударова), регулярными авторами поэтического отдела — Л. Афанасьев и А. А. Коринфский. Пейзажная и любовная лирика имела вид зарисовок и настроений: «Над пустынной дорогой» Л. Афанасьева, «Осенью» Л. Савиной, «В лесу зимой» А. Н. Севастьянова, «Зари вечерней луч» Л. Косуновича, «И хочу полюбить — и боюсь» Л. Афанасьева, «Не плачь, не плачь» В. Дмитриева, «Осенью жизни к тебе я пришел» Л. Косуновича. Восприятию поэтической части журнала помогали иллюстрации и репродукции: «Зимою», «Яблоня в цвету» Ю. Клевера, «Под праздник» В. Казанцева, «Весеннее половодье в Полесьи» С. В. Животовского и др.

С июля 1905 г. в журнале началась публикация цикла очерков «На новой заре» Н. Д. Носкова, целью которых было освещение текущих общественно-политических событий с историческими экскурсами в прошлое России. В статьях «разъяснялись» читателю «Родной нивы» идея всеобщего избирательного права, формы и системы народного представительства в Государственной думе, определенные Высочайшими манифестами от 6 авг. и 17 окт. 1905 г. В первых номерах за 1906 г. было помещено подробное описание вооруженного восстания в Москве 6—19 дек. 1905 г.: уличные бои превратились в жестокую братоубийственную войну, в которой пренебрежение к жизни городского обывателя достигло предела. «От выстрелов гибли ни в чем не-

---

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Измайлов был автором первой монографии о писателе: Чехов. 1860—1904. Биографический набросок. М., 1916.

⁴⁸ *Измайлов А.* 1) Литература и жизнь // Родная нива. 1905. № 6. С. 63—64; 2) Памяти А. П. Чехова // Там же. № 27. С. 238—239.

повинные обыватели, дети, женщины, — сообщалось в статье, — неведомо откуда долетавшие пули разили всюду».⁴⁹ Откликом на эти события стал очерк Рышкова «Это было», единственное беллетристическое произведение, помещенное им в «Родной ниве». Являясь сторонником изменения форм общественной жизни и борьбы за гражданские свободы, писатель резко осуждал и революционное насилие, и карательные меры правительства. Героиня очерка Катя (ее братья оказались по разные стороны баррикад) не в силах понять происходящее за окном: «Льется кровь и Феди и Вани... И тому и другому приказали убивать друг друга... Кто приказал? Люди... Как смеют они приказывать то, что запрещает совесть?!».⁵⁰ В комнату попадает снаряд, гибнет ребенок Кати, а потом и она сама. Насилие рождает насилие, и потому вернувшийся домой муж, обезумев от горя, говорит: «Кто ответит за эту кровь?! <...> Теперь уже ничего не страшно! <...> ни пули, ни пушки, ни суд, ни тюрьма, ни ссылка! Теперь не устрасит и совесть... Теперь — я от всего свободен!».⁵¹ В другом отголоске на московское восстание, миниатюре «Ей не было тяжело» Д. Полознева,⁵² автор хотя и сочувствует «бесконечно женственной» героине, участнице революционного «дела», брошенной в одиночную тюрьму, но подводит читателя к другому вопросу — о предназначении женщины, ее природной устремленности к семье и личному счастью.

В качестве познавательного-биографического материала в «Родной ниве» печатались краткие литературные портреты к юбилейным датам, исторические справки, а также некрологи. Биографии художников, архитекторов, писателей, поэтов, драматургов, правительственных чиновников нередко сопровождались портретами.

Самостоятельную роль, не связанную с основным текстом, играли в журнале рисунки и репродукции, очень ценимые «пестрым» читателем. Среди них выделялись жанровые картинки («Непрошенный прихлебатель» Шлезингера, «В поисках дачи» Л. Митина, «Попался, серый» Штейна, «Опять буянит», «Приход колдуна на свадьбу» А. Максимова, «Он идет» В. Менцлера), а также иллюстрации, касающиеся библейских сюжетов («Бегство в Египет» Г. Арлина, «Слезы сирот — слезы Христовы» С. В. Животовского, «Жены мирноносицы у гроба Спасителя» А. Фести) и рисунки историко-политического характера («Шлиссельбургские узники» С. Киевского, «Эпизод из Франко-Прусской войны» Л. Маршэ), имеющие познавательное значение. Читатели

⁴⁹ *Без подписи.* Вооруженное восстание в Москве // Родная нива. 1906. № 1. С. 12.

⁵⁰ *Рышков В.* Это было // Там же. № 6. С. 63.

⁵¹ Там же.

⁵² *Полознев Д.* Ей не было тяжело (Стихотворение в прозе) // Там же. № 2. С. 13—14.

журнала в своих письмах выражали одобрение иллюстративному подбору журнала, но сетовали на отсутствие описания рисунков, получаемых в виде приложений на меловой бумаге. Подписчик А. Олещенко пишет: «От души желаю, чтобы Ваш журнал стал родным и каждому русскому человеку, как мне стал, и дай Бог, чтобы Вы с своей ново вспаханной „Родной нивы“ собрали обильные плоды. <...> Недостатков в Вашем журнале нет, за исключением одного пустяка, а именно — нет описания рисунков» (РО ИРЛИ, ф. 270). О том же читаем в письме без подписи: «...вместо хроники рус<ско>-япон<ской> войны заполняйте какими-нибудь историческими и другими повестями из народной жизни, и к рисункам нужны объяснения. Просим помещать некоторы<е> рисунки исторические, чтобы нам знакомиться с прошедшим временем» (Там же).

Художественной частью журнала заведовал художник, иллюстратор Сергей Васильевич Животовский, сотрудник многих петербургских периодических изданий («Петербургский листок», «Живописное обозрение», «Родина», «Русский паломник», «Природа и люди» и др.). В заглавной виньетке журнала, состоящей из двух рисунков, было изображение русского пахаря, с одной стороны, как непосредственного адресата издания, а с другой — библиотека-читальня, как иллюстрация просветительской цели «Родной нивы». Скромностью оформления журнала была недовольна лишь одна подписчица из Симбирской губернии М. П. Винокурова. Она писала: «Относительно внешнего вида самого журнала можно только заметить, что виньетка на обложке, изображающая пахаря на тошей ниве и среди скудной природы, выглядит несколько мрачно. Ввиду возбужденных ныне надежд на лучшее будущее, нельзя ли соответственно изменить и виньетку» (Там же).

В ноябре 1905 г. подписчики «Родной нивы» получили обещанное приложение-премию «Альбом героев русско-японской войны» с рисунками С. В. Животовского, и выпуску альбома была посвящена очередная «Беседа». «Трудно было „составить“ этот альбом, — пишет Рышков. — Прежде всего — он составлялся, изготовлялся и печатался до манифеста 17 октября, когда цензура еще властвовала над нами неограниченно, и мы — редакторы, писатели и художники — знали, что нам не разрешат писать и рисовать в дешевом журнале „для народа“, желающем говорить правду, а не лгать и подделываться ради личных выгод и казенных субсидий того, что мы считаем необходимым. Например, составляя этот альбом, мы не были уверены, что нам „дозволят“ дать рисунок, помещенный на таблицах VI и VII, только потому, что он „производит мрачное впечатление“. Такие случаи бывали. <...> Особенно грустно нам, что мы не можем поместить портретов *главных* героев минувшей (как и всякой) войны — солдат. Они даже сами не имеют своих портретов, — не снимаются. И, вместо их порт-

ретов, мы дали в альбоме на VI и VII таблицах рисунок... Взгляните на этот рисунок, читатели. Это все ваши родные и близкие...».⁵³ Получив долгожданный «Альбом», читатель А. А. Сушик написал в редакцию: «Я очень рад этому „альбому“, это будет воспоминание [о] минувшей войн<е>... Оно навсегда останется в моей памяти и уверен, — у многих других. Действительно, рисунок, данный на таблицах VI и VII, „производит мрачное впечатление“, как на меня, так и на моих товарищей, но что же сделать, видно, их такая судьба. Но этот рисунок мне дороже всех прочих, хотя и прочие хороши. <...> Еще раз прошу Вас поблагодарить господина художника С. В. Животовского от меня за яркие и отличнейшие, исполненные ими картины. <...> Журнал „Родная нива“ я распространяю среди своих товарищей, и много нашлось, и даже списали себе адрес...» (Там же).

Оценочным критерием успеха любого журнала является непосредственное признание его читательской аудиторией. Рассматривая журнал и как средство общения, редакция «Родной нивы» обозначила в программе коммуникативную задачу: «Вызвать самого читателя на откровенность, на обмен мыслей, на сотрудничество по отделам провинции, общественной жизни и иным, заставить его самого отмечать нужное ему, интересное, радующее или огорчающее в жизни, желательное в нашем органе, словом, заставить его видеть в журнале друга, чутко прислушивающегося к нему, — одна из прямых целей редакции».⁵⁴ Обращение редакции «Родной нивы» не осталось без отклика, и в фонде сохранились письма читателей, в которых непосредственно, порой очень наивно, они выражали свое отношение к еженедельнику. Следы изучения читательских запросов видны в письмах подписчиков в виде помет, сделанных рукой редактора журнала. Отметим, что изучение читательских запросов отнюдь не редкое явление в русской прессе, а забота многих редакций русских журналов, среди которых «Вестник знания», «Журнал для всех», «Новый журнал для всех», «Жизнь» и др.⁵⁵

---

⁵³ Рышков В. Беседы. VII. С. 401.

⁵⁴ От редакции «Родной нивы» // Родная нива. 1905. № 1. С. 3. В первой своей «Беседе» Рышков призывал читателей «присылать запросы, советы, сообщения и письма редактору журнала» (Там же. С. 14).

⁵⁵ Многогранным изучением писем читателей, в частности, адресованных в журнал «Вестник знания», активно занимался Н. А. Рубакин. Именно он впервые поставил вопрос о необходимости научного изучения читательских потребностей, отмечая, что «изучение читающей толпы в разные исторические моменты, в разных слоях общества, в разных ее проявлениях имеет громадный научный социологический интерес, не говоря уже о чисто практических выводах, которые сами собой вытекают из этого изучения» (Рубакин Н. А. Русские читатели и их обстановка // Вестник знания. 1905. № 1. С. 172).

Выше мы приводили примеры читательского восприятия «Бесед» Рышкова. Позволим себе без подробного комментария привести ряд характерных цитат из читательских корреспонденций в качестве результатов своеобразного общественного опроса «Родной нивы», объявленного в № 31 и № 37 по вопросам структуры и направления журнала. Обратная связь редакции с читателями может осуществляться разными способами,⁵⁶ но наиболее важным источником социальной информации о подписчике являются, несомненно, письма.

Сохраняя силу социально-психологического документа, письма подписчиков являются не только ценнейшим, но, пожалуй, единственным источником изучения состава и характера читательской публики «Родной нивы». Следует отметить, что сохранившиеся письма не «покрывают» всей читательской аудитории журнала и не могут претендовать на исчерпывающее ее освещение. Однако с учетом того, что журнал традиционно распространялся среди родных и знакомых подписчиков, авторы писем (как наиболее активная часть аудитории) вполне могут считаться выразителями мнений отдельных читательских групп. Отклики читателей важны не только как показатель привлекательности журнала для народа, но и как живое свидетельство «трогательных порывов родной деревни к свету». Итак, вновь обратимся к письмам читателей.

Малограмотный крестьянин А. М. Вшивцев из деревни Большая Тавра от лица нескольких подписчиков пишет в журнал: «...мы очень хорошо поняли вашу доброжелательность, и потому мы благодарим вас за ваше старание дать каждому хорошие и научные познания и непринужденно читаем вашу газету (так в тексте. — *Н. П.*). И затем еще раз благодарим за старание в отдельности каждого из членов вашей редакции, которые нам известны, как то: редактора Виктора Рышкова, как человека умного, понимающего, в каких познаниях нуждается простой народ...» (Там же).

В. Паньшин из Барнаула пишет: «...я считаю долгом выразить Вам искреннюю благодарность за столь художественный и полезный журнал и приложения. Я не мог себе представить, что за такую ничтожную

См. также: *Цветкова С. Г.* Социологические аспекты деятельности Н. А. Рубакина (на примере сотрудничества в «Вестнике знания») // Общенациональный конгресс по чтению. Чтение в современном мире: Опыт прошлого, взгляд в будущее. Рубакинские чтения: Тезисы докладов и сообщений. М., 1992. С. 37—39.

⁵⁶ Так, для укрепления связей редакции и читателей при ежемесячном журнале «Вестник знания» был организован «Союз подписчиков». См. об этом: *Кудрявцева Л. А.* Журнал для самообразования и его контакты с читателем (на материале «Вестника знания» за 1903—1913 гг.) // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 124—139.

плату 2 рубля мог бы получить такой прекрасный журнал. Всем моим друзьям и знакомым я рекомендую Ваш журнал. <...> Дай Бог Вам долго потрудиться на плодотворной ниве на пользу всего народа» (Там же). Солидарен с Паньшиным подписчик П. З. Фадеев из Златоуста, он пишет: «При этом считаю своим долгом воспользоваться случаем выразить Вам искреннюю благодарность за „Родную ниву“, которая дает возможность по своей цене и нам, бедным людям, пользоваться печатным словом, посылающим ясный луч света в наши темные и убогие лачуги и наполняющим отрадою часы отдыха. Дай Бог Вам успеха продолжать свое доброе дело!» (Там же). А. Голдин благодарит редакцию: «Спешу заявить мое сердечное спасибо редактору и издателю „Родной нивы“ за журнал, который пришелся по душе, за его хорошее направление, чистоту, аккуратность, дешевизну, умелый подбор сотрудников. Желаю дальнейших успехов в трудах ваших на народной ниве» (Там же). П. Л. Березин пишет: «...редактируемый Вами журнал так мне понравился, столько в нем встречается родного и дорогого для сердца, что нельзя не оценить его по достоинству, дешевизне и не уважать его, с надеждою, что и впредь программа его не лишена будет интереса и сердечности, что и желаю процветать ему и быть также интересным и родным всякому сердцу русского человека!» (Там же). А. И. Розин из Моздока удивлен: «...ей-Богу, не могу понять, как Вы все это можете дать за 2 руб. Объясните, ежели это можно, ведь Вы субсидию не получаете (не то направление)» (Там же; последняя фраза подчеркнута редакторской рукой красным карандашом с восклицательным знаком).

Известно, что распространение периодической печати в дореволюционной России осуществлялось на железнодорожных станциях и паровозных пристанях, включая и розничную торговлю через «книжные шкафы» (киоски), разрешенную с 1865 г. Служащий железной дороги подписчик П. Н. Еленевич сообщает в редакцию: «...довольно-таки часто за время стоянки поездов у меня на разъезде многие кондукторы как товарных, так и пассажирских поездов обращаются ко мне с просьбой дать подробные сведения о журнале „Родная нива“, условия подписки и адрес, что, конечно, за 2 м<инуты> я сделать не могу и редко кому удастся что-либо сообщить, поэтому, желая от души успеха Вашему симпатичному изданию, я предлагаю Вам выслать, в каком хотите количестве, экземпляров печатных объявлений о подписке» (Там же). На письме имеется помета Рышкова о высылке 15 экземпляров пробных номеров.

В письме Ф. Вознесенского из Орла читаем: «Как один из многочисленных подписчиков журнала „Родной нивы“, приобретшего в короткое время среди читающей публики широкую популярность, я с своей

стороны не лишним нахожу высказать в ответ на Ваше предложение свои соображения на основании наблюдений за распространением журнала на месте постоянного моего жительства (в г. Орел) и отзывов тех лиц, которым мне приходилось давать журнал для прочтения. Но предварительно укажу на те условия, благодаря которым журнал пользуется вполне заслуженной репутацией „популярного“. 1) сравнительно низкая подписная плата способствует распространению его среди малосостоятельной публики [2]) удачный подбор литературного материала делает журнал удобным для прочтения служилому люду, не имеющему времени для прочтения пространных произведений, хотя бы даже и лучших писателей 3) удобопонятность изложения помещаемых в журнале статей, делающая его доступным пониманию лиц с малым образованием» (Там же).

«В восторге от Вашего журнала! Дай Бог Вам силы и средств продолжать и расширять программу Вашего симпатичного, чисто русского издания! — пишет Пешников в июньском письме 1905 г. — Дай Бог побольше таких журналов! Они должны „плодить читателей“! Это их призвание, но только в массе разных „дешевков“ трудно разобраться подписчику и читателю, в особенности провинциальному. Живи<те>! Работайте! Света, больше света!» (Там же).

Успех многих периодических изданий в немалой степени обеспечивался выпуском приложений.⁵⁷ К журналу «Родная нива» также полагались приложения: «По городам и селам», «Сельское хозяйство», «Мир искусства», «Моды», «Сказки», «Игры и забавы», «Хроника русско-японской войны», стенной календарь и 12 картин на меловой бумаге.

Особое мнение о приложениях журнала «Родная нива» выражал преподаватель царицынской гимназии и ремесленного училища Н. В. Ларин. Он пишет: «Приложение „По городам и селам“, по-моему, очень симпатично, очень бы хотелось знать, как смотрят на это приложение другие подписчики. Я с удовольствием всегда читаю этот маленький листок — это связь нравственная между редакцией и читателем, здесь есть что-то теплое, семейное.⁵⁸ <...> „Альбом известных русских деятелей“ вряд ли будет желателен. Не войдут ли в него такие деятели (напр<имер>, получающие на перевозку с одной казенной квартиры на другую по 12 тысяч руб.), которые истинно русскому

---

⁵⁷ Они сыграли важную роль в повышении читательского интереса к журналам «Нива» (изд. А. Ф. Маркс), «Родина» (изд. А. А. Каспари), «Вестник знания» (изд. В. В. Битнер) и др.

⁵⁸ Именно приложение «По городам и селам» многие подписчики просили оставить и расширить.

человеку не особенно приятны? Если уж редакция хочет сделать подарок своим подписчикам, так я бы вот что попросил — *список всех убитых и пропавших без вести* за эту несчастную войну. У меня 7 родственников офицеров и 5 учеников на войне, и об них я не имею никаких сведений, хотя живу в большом городе и не жалею денег на разведки (а таких как я — много). Так вот я не могу узнать о судьбе близких для меня [умерших] людей, а *мужик* или бедная *баба-вдова*? Конечно, подарок печальный, но более необходим» (Там же). Конторский служащий А. М. Ражев пишет: «Как я был благодарен г. редактору за статью, напечатанную в № „По город^{ам} и сел^{ам}“ — „У нас и у них“, которую можно применить и нам, рус^{ским} крестьян^{ам}. Вот таких стат^{ей} побольше бы» (Там же).

Приведем мнения подписчиков, советующих «не увлекаться» приложениями, отказаться от них вообще или заменить газетой. Х. М. Гаврик пишет: «Желательно в случае окончания войны четыре страницы, отводимые теперь под приложение „Хроника рус^{ско}-японс^{кой} войны“, не увеличить объем самого журнала, а превратить в еженедельную газету в 4 страницы, например, как при журнале „Родина“ или „Родная Речь“ (но избави Бог от направления этих журналов). <...> Желательно, чтобы вместо предполагаемого редакцией издания в 1906 г. „Альбом^а известных русских деятелей“ <...> издать и разослать подписчикам, как главную премию, одну какую-нибудь книгу беллетристического содержания, но непременно из русской жизни, а не из иностранной. Последнее мое желание я выражаю потому, что портреты „известных рус^{ских} деят^{елей}“ (я полагаю, например, Пушкин, Гоголь, Суворов, Кутузов) есть в каждом доме, где есть грамотные. В заключение желаю журналу „Родная нива“ полного успеха и процветания за его человеколюбивое направление» (Там же). Учитель с. Волынь Рязанского уезда М. В. Гараев пишет: «Так как за два рубля целой энциклопедии дать нельзя, то в 1906 году бросьте все приложения, а сосредоточьтесь на одном только журнале. <...> В настоящее время на Руси появляются читатели, которые оценят журнал без приложений. <...> От души желаю успеха Вашему симпатичному журналу, только не гонитесь за приложениями» (Там же). Священник из Симбирской губернии В. Статиров пишет: «Мое пожелание „Родной ниве“ не уходить в приложения. Хорошо поставленный журнал сам будет для подписчика лучшей премией. При теперешней дешевой цене (2 р.) никто не вправе и требовать многих приложений. Лучше одно хорошее, чем масса никуда негодного. Итак, расширьте и улучшите журнал [за] счет всех ваших приложений, — вот желание многих. Желаю Вашей „Родной ниве“ самого широкого распространения и прочего развития в избранном редакцией направлении» (Там же). С. Иванов

из Саратова просит вместо приложений увеличить журнал, а вместо «Альбома» получить пейзажную картину одного из русских художников. Лейман из Пскова пишет: «...желательно иметь приложение „Жизнь замечательных людей“, т. е. ряд биографий таких выдающихся идеалов, которые с детства стремились с тьмы к свету, со зла к добру и чрез борьбу с жизнью достигали своей цели» (Там же). Подписчик П. Райский из Кашина вместо приложений желал бы «более серьезно» материала, но в целом журналом доволен: «Журнал „Родная нива“ очень пришелся мне по вкусу, — пишет Райский, — ибо, обладая дешевой платой, он дает ответы на все события, волнующие общество» (Там же).

Многие читатели вместо приложения «Хроника героев русско-японской войны» хотели бы увеличения журнала на четыре страницы, среди них В. Тихом<ирова>, А. Б. Яхнин, М. Фрак, П. З. Фадеев, А. Олещенко, М. П. Винокурова и подписчики без подписи. Читатель В. Иогансон из Баку пишет: «На вопрос 2-й, увеличить ли объем журнала ввиду оканчивающейся русско-японской войны, скажу — да! Журнал того заслуживает вполне, чтобы дать ему простор. Что же касается последнего 3-го вопроса, относительно альбома в 1906 г., то замена его каким-либо сборником научного характера была бы полезнее для нас гг. подписчиков» (Там же).

Как свидетельство высокого престижа писателя в России и повышенного интереса в 1905—1907 гг. к материалам по декабристскому движению любопытно письмо М. Фрака из Одессы, в котором вместо предполагаемого в следующем издательском году в виде приложения «Альбома известных русских деятелей» подписчик советует редакции: «Дайте или „Ал<ьбом> совр<еменных> писат<елей> или декабристов“. Журнал великолепен, направление наилучшее» (Там же). Неодобрение «Альбома известных русских деятелей» выражает и читатель Пешников в письме от 29 сент. 1905 г. (его мы цитировали выше в связи с «Беседами» Рышкова): «На запрос Ваш в № 31 „Родной нивы“ спешу отозваться и высказать свои маленькие желания маленького человека из маленького места, с края Европы, с грани вечно-дремлющих чаш и болот, с порога Уральских гор... <...> Относительно же премии — альбома, считаю его совсем не нужным... Каких „деятелей“ Вы дадите? „Политических“? Опротивели! „Экономических“? Надоели! „Красных“? Еще ничего не сделали! Деятелей „Государственной (будущей) Думы“?! Если дадите художников, писателей, ученых, то с этим можно еще примириться и с удовольствием видеть их милые лица!» (Там же). (Заметим, кстати, что естественным для художественно-литературного журнала была публикация в нем произведений «Блудный сын» Н. Н. Брешко-Брешковского и «Пустос занятие» И. Л. Леон-

тьева-Щеглова, главными героями которых были художник и писатель.⁵⁹)

Проявление доверия к русскому писателю как выразителю народных идеалов ощущается и в других письмах. Об «Альбоме известных русских деятелей» сормовский подписчик (подпись А. Ш-н) пишет: «„Альбом русских деятелей“ — иметь не прочь, но только каких деятелей, литературных или полицейских? Если литературных, то желательно, а если полицейских — к черту» (Там же). Агент Товарищества славянских солезаводчиков А. Б. Яхнин из Витебска пишет: «Вместо „Хроники войны“ весьма желательно увеличение объема самого журнала на 4 стр., в коих были бы соч<инения> М. Горького. „Альбом известных русских деятелей и писателей“ было бы очень приятно получить» (Там же). А. А. Алексеев из Козлова вместо «Альбома известных русских деятелей» хотел бы получить «Альбом портретов русских писателей и известных деятелей по литературе» и «Альбом картин известных русских и иностранных художников». М. Грудков из Вологды пишет: «Все приложения, кроме „По городам и селам“, уничтожить, а также и „Хронику войны“, взамен того увеличить журнал. Взамен альбома было бы желательно получить книжку, что-либо из М. Горького, св<ящ.> Петрова, Л. Андреева и др. современных авторов» (Там же). В письме без подписи из Торжка сообщается: «Взамен „Хр<оники> русско-яп<онской> войны“ предпочитаю получить литературное приложение родных писателей» (Там же).

С. Донской из Боровичей Псковской губернии тоже с нетерпением ожидал «Альбом героев русско-японской войны» («кто-то у нас героями-то окажется?»). А об «Альбоме известных русских деятелей» пишет: «Если трудно будет отыскать русских деятелей, то я со своей стороны желаю альбом такой: кто искупил грехи нашей родины своею чистою кровью, а именно: Макарова, Витгефта, Кондратенко, Келлера и п<одобных>. Или альбом всех судов, погибших за войну с Японией, с описанием, в котором году построен, где, стоимость, вооружение и где погиб. <...> Желаю редактору и сотрудникам послужить к процветанию журнала» (Там же).

Положительный отклик вызвало имя Г. С. Петрова, заявленное в анонсе журнала. Крестьянин Ф. Г. Матюнин пишет: «Я ваш журнал очень уважаю, потому что вижу живую речь в нем. <...> Прошу, пишите больше правды, нам нужно больше свету... <...> Я рад, что священник Г. С. Петров участвует в вашем журнале. Мы, народ, все его любим, таких бы побольше нам, и злобы меньше было бы» (Там же). Того

---

⁵⁹ Брешко-Брешковский Н. Н. Блудный сын // Родная нива. 1905. № 29 (начало) — № 41 (окончание). О рассказе Щеглова см. примеч. 16.

же мнения подписчик И. Тимофеев: «...а всего важнее то, если будет писать глубокоуважаемый нами батюшка Григорий Спиридонович Петров, с сочинениями которого наши крестьяне больше всего знакомы. <...> Еще благодарю за [две] „Беседы“ г-на Викт<ора> Рышкова!» (Там же). Г. С. Петров (известный широкой публике сборником «Долой пьянство!», журналом «Друг трезвости» и лекциями на соответствующую тему) дал согласие на участие в журнале, но за кратковременностью издания в нем не участвовал. В том же письме от 19 февр. 1905 г. И. Тимофеев добавляет: «Конечно, крайне нам нужна культурная помощь, но культура не напускная и поддельная, но настоящая, светлая! Чтобы она светила всем равно, и интеллигенту, и простолюдину, не взирая на сословия и лица. Тогда мы с помощью Бога и этих добрых людей быстро бы двинулись вперед. Просим Вас, культурные люди, помогите нам в этом!» (Там же).

От женщин-читательниц пришло в редакцию (или сохранилось) всего пять писем. Приведем выдержки из их писем. «Что касается замены „Хроники русско-японской войны“ каким-либо приложением или прибавлением журнала, — пишет одна из подписчиц, — то мое мнение за последнее, впрочем, если редакция жур<нала> „Родной нивы“ найдет возможным и лучшим дать приложение, то, судя по направлению журнала, могу сказать, что и это приложение вызовет только симпатию со стороны большинства гг. подписчиков. „Альбом известных русских деятелей“ как приложение „Родной нивы“, думаю, вполне оправдывает свое название, почему в качестве будущей подписчицы „Родной нивы“ очень желала бы его иметь. Покорно прошу принять мое искреннее пожелание в распространении журнала „Родная нива“ между народом в особенности, как более доступного и по подписной стоимости и пониманию журнала» (Там же). П. Прутцева из Колпны пишет: «Журнал вполне отвечает своей задаче и дай Бог ему широкого распространения» (Там же). А. Комарова из крепости Новогеоргиевск сообщает: «Спешу выразить мое удовольствие по поводу Вашего уважаемого журнала. Не ожидала встретить за такую ничтожную цену ничего подобного. От всего сердца желаю „Родной ниве“ сверх широкого распространения» (Там же).

В письмах читателей встречаются также обещания способствовать распространению журнала. В. Князькин сообщает: «Журналом очень доволен, постараюсь рекомендовать его в кругу своих знакомых» (Там же). Священник Г. Дубровский пишет: «Вообще я должен сказать, что журнал „Родная нива“ весьма прекрасный. Издается он чисто и на хорошей бумаге. Шрифт крупный и жирный. Содержание каждого номера бывает весьма удовлетворительно, а цена маленькая. Желаю и буду стараться большего его распространения» (Там же). К оценке тех-

нического исполнения журнала Г. Дубровским присоединяется Г. А. Си-ренко из Ростова-на-Дону: «Я, положа руку на сердце, говорю Вам откровенно, что никогда не ожидал, чтобы за 2 руб. иметь такой журнал как „Родная нива“, в котором очень хорошая иллюстрация, печать и сама бумага» (Там же). Благодарные письма пришли в редакцию от членов нижнетагильского литературного кружка,⁶⁰ подписчиков С. С. Никитина из Варшавы, Кямбаса из Гатчины и др.

Среди мнений о журнале непосредственно работников «литературной нивы» интересно письмо писателя и историка литературы Петра Васильевича Быкова от 19 февр. 1906 г., который пишет Рышкову: «*Большое* Вам спасибо за внимание. Я, наконец, получил третьего дня Вашу „Родную ниву“. Не могу умолчать о том, что она произвела на меня впечатление самое отрадное, и содержанием, и внешностью. Много у Вас литературности, вкуса и умения. Как на старого литературщика, на меня это действует прямо обаятельно. Дай Бог Вам успехов и дальше!» (Там же). О. Малюченко, автор стихов, напечатанных в журнале, пишет Рышкову: «Отовсюду слышу похвалы „Родной ниве“. Среди же простого люда и среднего класса, несмотря на полное удовольствие, получаемое от журнала, — мечты на получение детских сказок взамен коих, они говорят, получают только игры. Последнее им тоже очень нравится и применяется с успехом» (Там же).

Подбор приведенных нами благожелательных отзывов, составляющих бесспорное большинство, не является в то же время констатацией абсолютного успеха журнала. Объективности ради, приведем и критические замечания. Критическое отношение высказывает один из авторов журнала М. В. Майеров: «Новый роман „В огненном вихре“ Эрастава начинается очень вяло и натянуто, ничего нет забирающего, интересного. Корреспонденции Вас. Ив. Немировича-Данченко давным-давно передали все эти картины и впечатления в самом фактическом изображении» (Там же).

Самое резкое письмо в редакцию пришло за подписью «неосторожный подписчик на „Р<одную> ниву“». Недовольный читатель утверждает: «*Ни одного* выдающегося произведения не встретил я в журнале „Р<одная> н<ива>“, на который имел неосторожность подписаться на этот год» (Там же). Справедливо отметить, что авторский коллектив журнала действительно в большинстве своем состоял из скромных

---

⁶⁰ В письме из Нижнего Тагила, написанном М. О. Корюкиным и подписанном «Желающие знания и света», сообщается: «Мы, находя свое воспитание недостаточным для нас, решили организовать маленький литературный кружок для самообразования и решили выписать „Родную ниву“, „Мир Божий“, еще 2 или 3 журнала и „Голос народа“» (Там же).

литературных имен и начинающих писателей из народа. Однако объективная оценка журнала этим не исчерпывается. «...журнал как целое, в том числе и литературное, — пишет Г. Зыкова, — плод совместного творчества и больших, и не слишком больших, и оставшихся неизвестными авторов».⁶¹ «Общая идея» и тональность журнала (как и отдельно взятых его номеров) имеет свое оценочное значение. Социально-просветительная программа «Родной нивы» была выдержана на протяжении всего издания и во всей структуре журнала: «Беседах» Рышкова, беллетристике народно-крестьянской тематики, отделе литературной критики и иллюстративном подборе. Материалы журнала, взятые вместе, отражали «общую идею» журнала в отношении к народной жизни и просвещению.

Любопытно в этой связи письмо к Рышкову И. Л. Щеглова с анализом содержания первого номера «Родной нивы» за 1906 г. и оценкой творческих и редакторских возможностей Рышкова. Письмо написано Щегловым с характерными для него эпистолярными особенностями — делением текста на «пункты». Приводим это письмо полностью.

СП, Литейный просп. (угол Артиллерийского пер.) д. № 28, кв. 20.

21 января 1906 г.

Вынужден наговорить Вам, милостивый *Victorio*, кучу... приятностей!

1

(Денщики)⁶²

Это очень хорошо («Пила» и «Магомет с Машей»).

Хотите солдатской откровенности? Это ниже Чехова, но выше на четыре головы многого ныне «громко шумящего» — простота и тепло, что редко кому дается, в особенности в наш век вычурности и нервной взвинченности вместо чувства.

2

(«Родная нива» № 1, 1906 г.).

Составлен на славу... Ради Бога, кто этот чудесный «Говорун»??⁶³ Фабричные его стих наверняка заучат наизусть.

Прелестны «Осенние цветы» (с запахом Чехова) Куприна...⁶⁴ Боюсь не слишком ли только рассказ тонок по рисунку для двухрублевого читателя? Лишний раз подтверждаю мое мнение, что Куприн самый *здоровый* из Куоккаловской дачной компании...

3

Горячо и смело заключение Вашей «Беседы». Эх, если бы Вам побольше крылья!! Мое (затаенное) чутье относительно Вас как редактора нового демократического типа

⁶¹ Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830-х—1870-х гг. М., 2005. С. 25.

⁶² Имеется в виду: Рышков В. Денщики. СПб., 1906. В сборник включены рассказы «На каторге», «Пила», «Магомет и Маша» и комедия «День денщика Душкина».

⁶³ Имеется в виду стихотворение «Новый говорун», напечатанное под псевдонимом «Говорун» (Родная нива. 1906. № 1. С. 8—9). О раскрытии псевдонима см. ниже.

⁶⁴ См.: Родная нива. 1906. № 1. С. 3—8.

журнала не обмануло меня — лучшего трудно найти сейчас... Верный тон и позиция, без крайностей и фальшивых выпадов. Верю в Вашу будущность крепко и нелицемерно! Теперь говорю это *открыто*.

4

Привет супруге.

5

В воскресенье меня *не будет дома* (как всегда), но если бы Вы наведались в *понедельник между 12 и 1 час*<ом> (хотя бы с 11½, как Вам удобнее), был бы рад обстоятельнее потолковать. (Разумеется, если Вам есть досуг и есть сообщение.) Хотели зайти Ваш брат⁶⁵ и Модзалевский⁶⁶ по «Пушкинскому дому», хотя ничего не знаю верного. Простите за японский шрифт.

Жду.

И. Щеглов.

Остановимся подробнее на письме Щеглова в той его части, где писатель пишет о первом номере журнала за 1906 г. Отметим, что на рассказ Куприна «Осенние цветы» и стихотворение «Новый говорун», автор которого скрылся за псевдонимом, обратил внимание помимо Ивана Леонтьевича Щеглова и Петр Васильевич Быков. Получив журнал с опозданием, в письме от 19 февр. 1906 г. он писал Рышкову: «Рассказ Куприна — восхищение, вещьца нашего друга Щеглова тоже мила.⁶⁷ Очень недурна затея — подражанье „Говоруну“ Некрасова.⁶⁸ Кто это?» (РО ИРЛИ, ф. 270).

В ходе научно-технической обработки материалов архива Рышкова, относящихся к истории журнала «Родная нива», удалось раскрыть псевдоним «Говорун». По списку произведений, принятых к печати в «Родную ниву», установлено, что он принадлежит поэту Алексею Александровичу Дрождинину (1870—1927).⁶⁹ По-видимому, именно стихотворением «Новый говорун» в «Родной ниве» за 1906 г. (№ 1, продолжение — № 7) Дрождинин начал публикацию сатирических стихов в жанре некрасовского стихотворного фельетона, а затем, уже

---

⁶⁵ Рышков Владимир Александрович (1865—1938) — чиновник особых поручений Академии наук, один из горячих сторонников создания Пушкинского Дома.

⁶⁶ Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — историк русской литературы, библиограф, генеалог, член-корреспондент Академии наук (с 1918), один из основателей Пушкинского Дома.

⁶⁷ Имеется в виду: Щеглов И. Л. «Генерал Пуп (Из воспоминаний о Мухраванской крепости)».

⁶⁸ Имеется в виду стихотворный фельетон Н. А. Некрасова «Говорун» (1843—1845).

⁶⁹ См. составленный Рышковым и датированный 24 февр. 1906 г. список «Рукописи, принятые для напечатания, занесенные в редакционный журнал „Родной нивы“ и сданные А. К. Касаткину при моем уходе», в котором под № 177 записано: Дрождинин «Новый говорун» (РО ИРЛИ, ф. 270).

после закрытия журнала, продолжил их в газете «Правда Божия». Цитируем отрывок из «Нового говоруна»:

Хоть хилая и кушая,
Ощипана, как гусь, —
Явилась конституция
В измученную Русь!

И тут и там — брожения
От градов до степей!
Довольно унижения,
Довольно с нас цепей!

Долой печать позорную
И страх долой с лица!
Свою дорогу торную
Прошли мы до конца.⁷⁰

Прямые подражания ранним некрасовским фельетонам были исследованы Т. С. Царьковой в статье «О литературной жизни ранних произведений Н. А. Некрасова», в которой стихи А. А. Дрождинина выделены как наиболее яркий пример «злободневных политических фельетонов, написанных „под Некрасова“, а порой в форме перепева некрасовских стихов».⁷¹ «Дрождинин, так же как и Козлов, — пишет Царькова, — заимствует многие внешние признаки некрасовского стихотворного фельетона: маску героя-простака, некоторые сюжетные повороты, стих, фразеологию».⁷² В статье анализируются и упоминаются стихи Дрождинина, опубликованные поэтом в «Правде Божией» в апреле—июне 1906 г.: «Из записок обывателя», «Из писем думского депутата», «Колдунья», «В деревне», «Кому теперь жить хорошо?». В ту же копилку прямых подражаний Некрасову отнесем и «Нового говоруна» из «Родной нивы» как первый опыт Дрождинина в этом жанре.

В «Правду Божию» Дрождинин перекочевал вместе с Рышковым и, видимо, при его участии. «Не откажите уведомить, — писал Дрождинин Рышкову 29 марта 1906 г., — что сказал Вам о. Петров по поводу моего сотрудничества? Стоит ли возобновлять опыты? Вероятно — нет...» (РО ИРЛИ, ф. 270). В одном номере и на одной странице, объединенные одной, «думской» темой, были напечатаны статья Рышкова

---

⁷⁰ *Говорун*. Новый говорун // Родная нива. 1906. № 1. С. 8. В этом же номере под своей настоящей фамилией Дрождинин опубликовал стихотворение «1906-му году» (Там же. С. 2). Под тем же псевдонимом «Говорун» и под тем же названием «Новый говорун» Дрождинин опубликовал еще одно стихотворение в «Родной ниве» (1906. № 7. С. 75, 78).

⁷¹ См.: Царькова Т. С. О литературной жизни ранних произведений Н. А. Некрасова // Русская литература. 1977. № 3. С. 99.

⁷² Там же.

«Вперед!» и стихотворение Дрождинина «Письмо депутата».⁷³ Сотрудничество Дрождинина с «Правдой Божией» продолжалось вплоть до закрытия газеты, которую не приняли ни правительственные, ни церковные круги. В июне поэт вновь писал Рышкову: «Не видали ли вы Григория Спиридоновича? Что предполагает он делать? Он говорил мне, что будет продолжать газету в СПб. Делается ли что-нибудь в этом направлении? <...> Гр<игорий> Спир<идонович> обещал меня уведомить, если что-либо будет затеваться, а пока ни слуха ни духа» (Там же).

Активно печатаясь в журналах «Стрекоза», «Шут», «Искры», «Весь мир», «К русскому народу», «Воскресенье», «Голос сибирской армии» (Екатериноград), «Новая всемирная иллюстрация» (сам издавал и редактировал) и газетах «Петербургский листок», «Биржевые ведомости», Дрождинин очень охотно пользовался псевдонимами. Отметим, что помимо псевдонима «Говорун» были выявлены попутно не учтенные в словаре И. Ф. Масанова и статье о поэте К. А. Кумпан⁷⁴ псевдонимы: «Веселый меланхолик» (указан в картотеке А. Д. Алексеева), «Бунчук», «З-ъ», «Б-къ», сообщенные Дрождининым в письме к А. Н. Мошину от 11 сент. 1900 г.⁷⁵

Печатная продукция в российскую провинцию доходила с задержкой, часто «опаздывала» и «Родная нива», на что много жалоб встречается в письмах подписчиков (М. И. Ковит, Кямбяс, А. Н. Брянцев). От «нетерпеливого подписчика» А. Погорецкого в журнал на эту тему был прислан экспромт: «Нива моя, Нива, / Нива золотая! / Где ты попадаешь / Нива мне родная?» и т. д. Другой читатель, священник из Во-

---

⁷³ Правда Божия. 1906. 9 мая. № 109. С. 2.

⁷⁴ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 171; Кумпан К. А. Дрождинин Алексей Александрович // Русские писатели: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 185—186.

⁷⁵ РО ИРЛИ, ф. 192, № 48, л. 12 об. В дополнение к статье о Дрождинине в словаре «Русские писатели» в рубрике «Архивы» укажем также на наличие архивных материалов в Рукописном отделе Пушкинского Дома: ф. 192, № 219 (Альбом С. П. Мошиной с рисунками, стихотворениями и записями Т. Щепкиной-Куперник, А. А. Дрождинина, В. Каррика, К. Баранцевича и др. 1903—1919 гг.); ф. 192, № 48 (Письма (8) А. А. Дрождинина к А. Н. Мошину за 1897—1901 гг.; имеется стихотворение, посвященное А. Н. Мошину, на память о совместной службе в Правлении первого общества подъездных железных путей в России); ф. 192, № 208 (Песни инородцев. Отрывок в переладке А. А. Дрождинина. Б. д.); Р. 1, оп. 30, № 48 (Альбом В. Н. Унковского с записями и стихотворениями разных лиц. Среди них: А. М. Ремизов, С. Лифарь, А. А. Дрождинин, С. И. Гусев-Оренбургский и др. 1917—1940 гг.); ф. 115, оп. 3, № 115 (Письмо А. А. Дрождинина к А. А. Измайлову. 1904); ф. 270 (фонд в обработке). (Письма (4) А. А. Дрождинина к В. А. Рышкову за 1905—1906 гг.). Дополнительно к рубрике «Литература» укажем: Дивертисмент. Художественный сборник / Сост. Н. В. Корецкий. СПб., 1905. С. 184—185 (стихотворение А. А. Дрождинина «Финтифлюшки»).

ронезской губернии М. Гладков, иронизировал: «... вот уже 10-е число марта, а с нивы Вашей не получено не только снопка, а даже и колоска. Вероятно, у Вас совершенное отсутствие дождя, что такой плохой урожай на Вашей ниве: а если что Бог послал, то благоволите поделиться им... <...> А если уж совершенно неурожай, то благоволите возратить деньги» (Там же). Одна из предполагаемых причин задержки была указана самими читателями и заключалась в том, что подписчики, получавшие журнал не через почтовые отделения, а через волостные правления, жаловались, что старшины и писари этих правлений оставляют себе журнал для прочтения. «Стыдно! Крестьянин истратил на выписку журнала последние рубли, и журнал — *его собственность*, — писала «Родная нива». — По какому праву ею пользуетесь вы?».⁷⁶

Недолговечность российского иллюстрированного еженедельника начала XX в. была одной из его особенностей. «Если учесть, что в 1913 г. было закрыто 55 еженедельников, из них 24 — не просуществовав и года (более 50% начаты в 1913 г.), — пишет А. С. Воронкевич, — можно характеризовать положение каждого отдельного еженедельника как крайне неустойчивое. <...> Главной причиной такого положения было, очевидно, определенное насыщение печатной продукцией рынка, а также преследования со стороны судебных органов и администрации, безусловно, игравшее не последнюю роль».⁷⁷ Совершенно очевидно, что причина прекращения журнала «Родная нива» была не цензурного характера, она заключалась в редакционном конфликте, источником которого явилась нечистоплотность издателя А. К. Касаткина. Об обстоятельствах и причинах закрытия журнала имеются лишь отрывочные сведения, «рассеянные» в документах и письмах разных лиц. Попробуем свести их вместе.

Мотивацию прекращения сотрудничества с журналом «Родная нива» Рышков дает в анкете, заполненной им для словаря писателей С. А. Венгерова, в которой пишет о своем редакторстве следующее: «В 1905 и 1906 гг. редактировал еженедельный иллюстрированный журнал „Родная нива“. Бросил его и вышел со всем составом сотрудников, когда мы убедились, что издатель (Касаткин) жулик».⁷⁸ Конфликты с Касаткиным начались еще осенью 1905 г., об ухудшении отношений в редакции известно из письма С. В. Животовского к Рышкову от 17 окт. 1905 г. «Мне кажется, — пишет Сергей Васильевич, — что лучше бы избежать завтра крупного разговора, дабы не дать воз-

⁷⁶ От редакции // Родная нива. 1905. № 16. С. 149.

⁷⁷ Воронкевич А. С. Русский еженедельник в начале XX в. С. 148.

⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3135, л. 8.

возможности этому животному объяснить наш уход просто ссорой с нами. Пусть лучше все знают, что мы ушли сами из-за невозможности работать при созданных им условиях» (РО ИРЛИ, ф. 270). Сохранилось черновое письмо Рышкова к Касаткину от 25 окт. 1905 г., интересное как с информационной точки зрения (указанием числа подписчиков, в частности), так и попыткой профессиональных литераторов защитить свои литературные права. От своего имени и от лица Измайлова и Животовского редактор писал:

...мы, нижеподписавшиеся члены редакции, считаем необходимым известить Вас этим письмом, что только при исполнении следующих условий согласны продолжать работу в журнале в 1906 году.

1. Пунктом 4-м договора от 2 декабря 1904 г. Вы обязались уплачивать нам жалованье ежемесячно 17 числа. Между тем последние месяцы все мы получаем жалованье в неопределенные сроки и никоим образом не можем рассчитывать, что получим его в назначенный день. Такой порядок мы считаем совершенно ненормальным, и мы категорически настаиваем, чтобы ежемесячное жалованье выдавалось всем нам и секретарю редакции непременно в раз и навсегда назначенное Вами число и ни в каком случае не позже.

2. Первая часть 8-го пункта того же договора предоставляет нам, в случае прогрессирования журнала и роста его доходности, законное право участия в известном % дохода сверх условленного вознаграждения по общему определению справедливой степени этого участия. Материальное прогрессирование журнала ясно выразилось уже в первый (текущий) год издания: тираж «Родной нивы» в настоящее время по Вашим словам — 23—24 тысячи. Пунктом же 6-м договора Вы сами определили желательный максимум 15 000 подписчиков, решив при наличности этой цифры сохранить силу самого договора с нами и на следующий год. Несмотря на это, в течение первого года издания мы не обращались к Вам с просьбой о выполнении этого условия, желая облегчить Вам возможность справиться с неизбежными трудностями при начале дела по изданию. <...>

3. Секретарь редакции М. А. Волочкевич, получая 50 руб. в месяц жалованья, в 1906 г. не получает % отчисления ввиду короткого срока его службы в «Родной ниве», но, если он прослужит в ней до 15 марта, Вы уплатите ему одновременно не позже 20 марта в виде добавки к жалованью сто рублей.

4. По своим убеждениям и для пользы дела, считая необходимым как выдачу авансов сотрудникам, так и оплату рукописей до их напечатания, мы не имеем возможности на этом настаивать, но просим удовлетворять эти просьбы писателей по мере возможности. <...>

5. В текущем году все наши просьбы как единоличные, так и коллективные — относительно помещения, мебелировки, необходимых для работы и приема сотрудников удобств, выписки и содержания в порядке газет, журналов и справочных изданий — не исполнялись. Просим Вас о более внимательном отношении к этим требованиям. <...>

Обращение это делается нами прежде всего в интересах самого дела, которому — мы все доказали это, мы глубоко сочувствуем, и во избежание неизменных отношений с Вами, издателем журнала. И, поддерживая свои требования, которые все вытекают из нашего договора с Вами, мы его, конечно, не нарушаем.

В. Р., А. И., С. Ж.

Через два дня после получения этого письма Касаткин в прошении в Главное управление печати от 27 окт. 1905 г. просит разрешить ему подписываться за редактора ввиду отказа В. А. Рышкова. Из газетных

источников известно, что окончательно сложил с себя редакторские обязанности Рышков 17 февр. 1906 г. Сообщение об этом с небольшими изменениями появилось в различных газетах. В «Биржевых ведомостях» в рубрике «Письма в редакцию» было напечатано:

М. Г., г. редактор!

Прошу вас напечатать в вашей уважаемой газете следующее заявление.

Не считая возможным продолжать дальнейшее редактирование журнала «Родная нива» (издание г. Касаткина) и нести за него как нравственную, так и материальную ответственность перед подписчиками и сотрудниками, — 17-го сего февраля я окончательно сложил с себя обязанности редактора.

Не состою более и в числе сотрудников этого журнала, как не состоят ими приглашенные мною и теперь отказавшиеся от сотрудничества: М. Н. Альбов, Н. Н. Брешко-Брешковский, А. Н. Будищев, П. В. Быков, А. Е. Зарин, Е. И. Игнатъев, А. А. Измайлов, С. С. Караскевич, Л. И. Косунович, Б. Л. Модзалевский, Н. А. Нормов, Н. Д. Носков, Н. А. Панов, Н. Ф. Паозерский (Садко), М. Ф. Паозерский (свящ. Лубинский), свящ. Г. С. Петров, П. А. Россиев, А. И. Свирский, В. А. Тихонов (Мордвин), Л. Н. Урванцов, А. И. Фаресов, Ф. А. Червинский, И. Л. Щеглов, художник С. В. Животовский и секретарь редакции М. А. Волочкевич.

Так как я получал лично мне адресованные письма вскрытыми без моего ведома в конторе журнала, то прошу лиц, имеющих до меня дело, адресовать свои письма ко мне по моему адресу — Греческий проспект, № 6, кв. 7.

Редактор «Родной нивы»,
Виктор Рышков.⁷⁹

По всей видимости, с проектом письма перед его публикацией знакомились некоторые сотрудники журнала. Е. И. Игнатъев (Альф) 25 февр. 1906 г. писал Рышкову: «Ваше, или правильное *наше* письмо в редакцию по поводу плута Касаткина прочел и вполне с ним согласен» (РО ИРЛИ, ф. 270). В дальнейшем к подписавшимся писателям добавились имена Л. Н. Афанасьева, А. А. Дрождинина, И. П. Конради, В. А. Мазуркевича.⁸⁰ В самостоятельном коротком «Письме в редакцию» В. С. Лихачев просил присоединить свою подпись к лицам, покинувшим журнал.⁸¹

Позднее в письме от 27 окт. 1906 г. к Рышкову С. В. Животовский сообщает: «А Касаткин не унимается: объявляет подписку на „Жизнь“ (с подставным издателем) 101 премия за 1 р. и „Казнь“. И стрижет баранов: подписка, говорят, уже идет хорошо. Вот эти господа не пропадут!» (РО ИРЛИ, ф. 270). И наконец, последнее упоминание о Касаткине обнаружено нами в октябрьском письме 1910 г. П. Романова к Рышкову: «А читали в „Биржевых ведомостях“ про „издателя“ Касат-

⁷⁹ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 24 февр. № 9200. С. 4.

⁸⁰ Петербургский листок. 1906. 25 февр. № 55. С. 4. Сообщения об отставке Рышкова см. также: Слово. 1906. 24 февр. № 393. С. 6; Правда Божия. 1906. 1 марта. № 51. С. 4.

⁸¹ Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. 28 февр. № 9203. С. 5.

кина? Попался, кажется!» (Там же). Документов, раскрывающих и подтверждающих последнее «плутовство» Касаткина, в архиве В. А. Рышкова нет, но можно предположить, что Касаткин собирал деньги подписчиков и после выхода нескольких номеров прекращал выпуск периодических изданий. 7—10-й номера Касаткин выпускал самостоятельно, а затем «Родная нива» прекратила свое существование. «Искренне жаль о прекращении „Родной нивы“, — писал Евгений Иосифович Шведер из Вильны в марте 1906 г. Рышкову, — насколько я знаю, в провинции она стала завоевывать симпатии. Жаль» (Там же).

Симпатии к журналу демократического читателя были вызваны в первую очередь «Беседами» Рышкова. Они были так популярны, что после закрытия «Родной нивы» редактор и издатель газеты «Правда Божия», выходящей в Москве, священник Г. С. Петров пригласил Рышкова к сотрудничеству и писал ему 15 февр. 1906 г.: «Будем очень рады, если будете присылать Ваши „Беседы“. Шлите и для „Русского слова“. Я говорил там. Просят. Сердечный привет Вам и Александру Алексеевичу Измайлову» (Там же). В мартовской открытке Петров пишет: «Дорогой Виктор Александрович, спасибо за „Беспомощных“.⁸² Шлите в этот раз еще, чаще. К нам очень подходит» (Там же). В идеологически родственной «Родной ниве» газете Петрова главное внимание уделялось «руководящим статьям по крестьянскому и рабочему вопросам, по народному образованию и воспитанию». В первой статье, появившейся в «Правде Божией» под заглавием «Беседы», Рышков описывал смерть Александра II, невольным очевидцем которой он был в день покушения. Писатель выступал в ней и как противник царубийства, и как противник казни на Семеновском плацу, свидетелем которой по недомыслию молодости он тоже был. «Ужасная картина, которую на заре моей жизни показала мне моя родина, — пишет Рышков, — на всю жизнь запечатлелась в моей памяти, и этой картины я не прошу соблаздившим меня и умирая... <...> Не злобой, мщением и убийствами создается жизнь».⁸³ Значение первой «Беседы» Рышкова, появившейся в «Правде Божией» (в дальнейшем статьи имели самостоятельные названия⁸⁴), отмечал один из читателей газеты Николай Дмитриевич Пузанов: «Я вычитал в газете „Правда Божия“ в № 5 [1] среда, 1 март <a> „Беседы“. Статья замечательная и правдоподобная.

---

⁸² Имеется в виду статья: *Рышков Виктор. Беспомощные // Правда Божия. 1906. 12 марта. № 61. С. 1—2.*

⁸³ *Рышков Виктор. Беседы. I // Там же. 1 марта. № 51. С. 1.*

⁸⁴ См. статьи Рышкова в «Правде Божией» в 1906 г.: «Беседы» (1 марта. № 51. С. 1); «Как быть?» (10 марта. № 59. С. 1—2); «Беспомощные» (12 марта. № 61. С. 1—2); «Дайте деревне врача» (16 марта. № 64. С. 2); «Маленькие коршуны» (26 марта. № 73. С. 1—2); «Ловкачи-рыболовы» (15 апр. № 89. С. 1).

За то приношу искреннюю мою Вам благодарность и уверен, что все люди, читающие Ваши строки, останутся Вами благодарны. Хотя строк немного, но смысл золотой» (Там же).⁸⁵ Сотрудничавший в «Правде Божией» А. И. Свирский в письме к Рышкову от 1 апр. 1906 г. сделал приписку: «Сегодняшняя Ваша „беседа“ — прелесть! Вся редакция в восторге» (Там же). Свирский имел в виду статью Рышкова «В Москве»,⁸⁶ в которой говорилось о том, как писатель водил по Кремлю случайно встреченных им приезжих крестьян и, видя в них неподдельный интерес к старине, рассказывал об исторических памятниках. Появившийся внезапно городской стал требовать прекращения их беседы. «Меня хотели лишить права беседовать на улице со своими согражданами, — пишет Рышков. — До чего можно дойти?! В какой стране можно встретить что-либо подобное? Я отвернулся от городского и продолжал прерванную беседу с крестьянами». ⁸⁷ Но запуганные крестьяне во избежание скандала поспешили уйти из Кремля. «Беседы» Рышкова в «Правде Божией» приобрели бульшую публицистичность, более резким стало авторское неприятие и осуждение описываемых эпизодов, особенно в статьях церковной тематики «Поруганный алтарь» и «Где правда?». ⁸⁸ В последней статье Рышков касается этической стороны проблемы социальной несправедливости и пишет о равнодушии к голодному человеку, пришедшему за помощью в церковь. Отчаявшийся бедняк твердит слова: «Где правда?». «А ответить на этот вопрос пора, — пишет Рышков. — Пора, потому что голодные и поруганные люди просят на него ответа уже в храме Божьем, уже громко, всенародно... И если сегодня об этом спросил один голодный, ясно — недалеко уже время, когда и толпа голодных спросит хором у больших, но равнодушных и бессердечных людей: „Где правда?“ . И потребует уже ответа...». ⁸⁹ После закрытия «Родной нивы» Рышков сотрудничал с «Правдой Божией» вплоть до ее закрытия летом 1906 г.

Художественно-литературный еженедельник «Родная нива», рассчитанный на самую широкую демократическую аудиторию (к тому

---

⁸⁵ Пузанов Николай Дмитриевич был автором книг: Дневник путешественника в Иерусалим и на Афон Н. Д. Пузанова. М., 1897 (2-е изд. М., 1899); Дневник путешественника в Валаамскую обитель в 1901 г. Н. Д. Пузанова. М., 1902. Характерно, что именно к Рышкову, а не к издателю Петрову обращался Пузанов в этом же письме с просьбой о публикации фрагментов из «Дневника» в газете «Правда Божия».

⁸⁶ Правда Божия. 1906. 1 апр. № 78. С. 1—2.

⁸⁷ Там же. С. 1.

⁸⁸ Рышков Виктор. 1) Поруганный алтарь // Там же. 7 мая. № 108. С. 2—3; 2) Где правда? // Там же. 14 мая. № 113. С. 2.

⁸⁹ Рышков Виктор. Где правда? // Там же.

же один из самых дешевых иллюстрированных журналов для народа), сохранял общедемократическое направление на протяжении всего издания, чем и определяется его общественное значение. Несмотря на участие в журнале в основном скромных литературных сил, связь рядового читателя с авторским коллективом была прочной и тесной. Уступая по художественным достижениям тем периодическим изданиям, которые ориентировались на узкий круг искушенных ценителей, еженедельник «Родная нива», благодаря социально-этическому аспекту, соотносился с общелитературным процессом, и новый читатель из народа был солидарен с «честным взглядом на жизнь», провозглашенным журналом.